

На правах рукописи

Цирулев Александр Федорович

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО И М. ГОРЬКОГО:
ЖАНРОВЫЕ УСТАНОВКИ И ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТРОСПЕКЦИИ**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов

Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва

2025

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы факультета журналистики ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова».

Официальные оппоненты:

Мальцева Татьяна Владимировна, доктор филологических наук (10.01.01), профессор, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»;

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук (10.01.01), профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»;

Уртминцева Марина Генриховна, доктор филологических наук (10.01.01), профессор, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук».

Защита состоится   29   сентября 2025 г. в   15-00   на заседании диссертационного совета 75.2.076.01 при образовательном частном учреждении высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А, ауд. 314.

С диссертации можно ознакомиться в Научной библиотеке ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А и на сайте <https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet>

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet> и <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2025

Ученый секретарь диссертационного совета 75.2.076.01
кандидат филологических наук, доцент

С.С. Царегородцева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Исследование форм автобиографизма, связанных с вхождением в глубины сознания, является важной для современного литературоведения проблемой. Необходимость решения этого вопроса так или иначе выводит нас на разработку жанровой природы художественной автобиографии. В диссертационном исследовании осуществляется сопоставительный анализ трилогий Л. Толстого и М. Горького прежде всего в плане психологической интроспекции. В основе нашего рассмотрения находится анализ жанровых модификаций двух жизнеописаний с точки зрения использования их авторами такого приема, как показ «диалектики души», или шире – «диалектики сознания».

Введение сравнительно-сопоставительного анализа художественной специфики трилогий в контекст развития паттерна автобиографических элементов в отечественной и европейской литературах позволит по-новому оценить вклад двух русских писателей в развитие мемуарно-биографических жанров. Идеино-художественная концепция толстовской трилогии нуждается в серьезном уточнении. Особенно в той ее части, которая касается жанровых установок воссоздания «диалектики души».

Концепция «камерно-этического понимания» художественной автобиографии Толстого в целом поколеблена не была. Однако жанровую специфику толстовской автобиографии сводить только к идее этической (теория нравственного самоусовершенствования личности) и недостаточно, и неправомерно. Поэтика и характер психологической интроспекции, явленной в трилогии М. Горького, также нуждается в серьезном пересмотре. В частности, до сих пор в полной мере не разработан вопрос о соотношении лирического и эпического начал, без чего адекватное прочтение этого жизнеописания невозможно. Особо следует отметить, что вопрос «диалектики души», ставший, можно сказать, «традиционным» в связи с творчеством Толстого, применительно к горьковской «исповеди» учеными в теоретическом аспекте поставлен не был.

В целом приходится признать, что при всей плотной критической «разработанности» двух произведений, при всем богатстве и разнообразии высказанных точек зрения об их идейно-художественной сути, поэтика трилогий Толстого и Горького нуждается в серьезном системном осмыслении – прежде всего в ракурсе психологической интроспекции. Раскрытие роли «диалектики сознания» в контексте жанровых установок рассматриваемых произведений позволит нам выявить глубинную суть идейно-философских прозрений Толстого и Горького и их особую – миссионерскую роль в развитии судеб современного культурного мира.

Степень разработанности темы. Как показывает анализ критической литературы, исследователи самых различных общественно-идеологических направлений достаточно охотно прибегали к сравнению толстовской и горьковской трилогий. Причем уже в дореволюционной критике эти произведения в основном противопоставлялись друг другу на основании самых различных критериев.

Ф. Сологуб¹, А. Гвоздев², Д. Мережковский³, Е. Колтоновская⁴ и др. отмечали, что М. Горький создал жизнеописание, резко отличающееся от толстовского. Вл. Кранихфельд, например, заявил о том, что если «Детство», «Отрочество», «Юность» – это великолепный образец классического «рассказа о себе», то горьковское «Детство» – по всем параметрам – не может быть признано автобиографией, поскольку сам автобиографический герой в нем, увы... отсутствует. «... среди многочисленных портретов людей <...> личность самого рассказчика как будто намеренно затушевывается»⁵.

Идея антитетичности двух трилогий обнаруживает себя и в советском литературоведении. В 1920-30-е гг. превалирует точка зрения, согласно которой в «исповеди» Толстого доминирует идеализация патриархально-дворянского быта, а горьковская автобиография содержит в себе подлинно правдивую картину прошлой эпохи, что отмечено в работах В.А. Десницкого⁶, Г.А. Бровмана⁷, Ф. Левина⁸. Такие горьковеды, как И.М. Нусинов⁹, Я.Е. Эльсберг¹⁰, рассматривают толстовские повести в ряду классических автобиографий прошлого, но при этом трилогию М. Горького упорно и целенаправленно выводят за пределы автобиографической традиции на том основании, что у Горького эпическое начало подавляет и вытесняет собой начало лирическое (Нусинов¹¹).

В 1930-х гг. изучение толстовской трилогии поднимается на новую, качественно более высокую ступень благодаря усилиям таких исследователей, как Б.М. Эйхенбаум¹², В.Б. Шкловский¹³ и П.С. Попов¹⁴. Эти ученые делают акцент на изучении формообразующих элементов автобиографического повествования. В 1950-60-е годы появляется ряд работ, посвященных специально рассмотрению автобиографической трилогии Л. Толстого (Н.П. Лощинин¹⁵, Е.Н. Купреянова¹⁶,

---

¹Сологуб Ф. Заметки // Дневники писателей. 1914. № 1. С. 12-18.

²Гвоздев А. «Детство» М. Горького // Северные записки. 1916. № 2. С. 149-154.

³Мережковский Д. Не святая Русь. (Религия Горького) // Русское слово. 1916. № 210. 11 сентября.

⁴Колтоновская Е. Детство Горького // Речь. 1915. 25 мая. № 141. С. 2.

⁵Кранихфельд В. Утро жизни // Современный мир. 1914. № 12. Отд. 2. С. 116-133. С. 118.

⁶Десницкий В.А. Автобиографические повести Горького. 1. «Детство». 2. «В людях» // В.А. Десницкий. М. Горький. Л.: Худ. лит., 1935. С. 174-222.

⁷Бровман Г.А. Писатель и жизнь. (Заметки об автобиографической трилогии М. Горького) // Знамя. 1936. № 11. С. 268-280.

⁸Левин Ф. Детство Горького // Литературный критик. 1938. № 7. С. 161-173.

⁹Нусинов И.М. Правда о жизни. (Автобиографические повести М. Горького) // Литературная учеба. 1937. № 6. С. 48-64.

¹⁰Эльсберг Я.Е. Трилогия Горького и великие автобиографии прошлого // Красная новь. 1940. № 11-12. С. 284-306.

¹¹Нусинов И.М. Правда о жизни. (Автобиографические повести М. Горького) // Литературная учеба. 1937. № 6. С. 48-64.

¹²Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Б. М. Эйхенбаум. О литературе. Работы разных лет. — М. : Сов. писатель, 1987. С. 34–138.

¹³Шкловский В. Б. О теории прозы — М.: Федерация, 1929. — 266 с.

¹⁴Попов П. С. Стиль ранних повестей Толстого: («Детство» и «Отрочество») // Л.Н. Толстой .АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Кн. 1. —(Литературное наследство; № 35–36). С. 78–116.

¹⁵Лощинин Н.П. «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого. Проблематика и художественные особенности. (Лекции о Толстом). Тула: Кн. изд-во, 1955. 48 с.

¹⁶Купреянова Е.Н. Молодой Толстой. Тула: Кн. изд-во, 1956. 216 с.

Я.С. Билинкис¹⁷, Н.К. Пиксанов¹⁸, Б.И. Бурсов¹⁹), в которых всесторонний анализ идейно-общественной проблематики сочетается с анализом поэтики. В эти же годы продолжается интенсивное изучение горьковских повестей. В трудах литературоведов 1970-х годов все настойчивее звучит мысль о том, что раскрытие идейной сути трилогии невозможно без проникновения в ее сложнейшую художественную систему (Б.В. Михайловский²⁰). Это положение получает развитие в анализе жанровой и сюжетно-композиционных особенностей трилогии Горького, представленном в работах С.В. Касторского²¹, Е.Б. Тагера²² и др. Вместе с тем сложная художественная структура горьковской трилогии, ее жанровая природа и в этот период не поддаются адекватному толкованию.

В работах исследователей 1960-80-х годов повторяется мысль о том, что в горьковской автобиографии самого-то автора... «не хватает». Однако теперь эта концепция получает иную интерпретацию. Б.А. Бялик²³, а позднее С.В. Касторский²⁴ стремятся доказать, что автобиографическая трилогия М. Горького – это «книга, в которой доминирует галерея портретов»²⁵. Е.Б. Тагер выдвигает тезис о том, что структура горьковской автобиографии подчинена эпической сверхзадаче, так как в ней «лирические акценты сменяются эпическими <...> воспоминания о жизненном пути превращаются в широчайшее полотно русской народной жизни»²⁶. О взаимодействии лирического и эпического, о соотношении картин объективной действительности и внутреннего мира личности убедительно и плодотворно размышляет С.Г. Бочаров²⁷. Результаты многолетнего сопоставительного изучения двух трилогий с учетом работ предшественников (Б.И. Бурсов²⁸, Л.М. Мышковская²⁹, Н.К. Пиксанов³⁰) представлены в книге С.В. Касторского, где сделан вывод о главном отличии методов Толстого и Горького в сфере литературного психологизма. Если Л. Толстой акцентирует внимание на процессах рефлексии и самоанализа героя, то горьковский психологизм, полагает С. Касторский, служит выявлению конфликта автобиографического героя с «царством мещанства» и «миром животного

---

¹⁷Билинкис Я.С. Эпохи развития человека (автобиографическая трилогия) // О творчестве Л.Н. Толстого. Очерки. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 5-60.

¹⁸Пиксанов Н.К. Толстой и Горький // Уч. зап. Горьковского ун-та. 1961. Вып. 56. С. 5-36.

¹⁹Бурсов Б.И. Лев Толстой // Бурсов Б.И. Избранные работы в 2-х т. Л.: Худ. лит., 1982. Т. 1. С. 258-400.

²⁰Михайловский Б.В., Тагер Е.Б. Творчество М. Горького. М.: Просвещение, 1969. 335 с.

²¹Касторский С.В. Горький-художник. Очерки. М.-Л.: Гослитиздат. (Ленингр. отделение), 1963.— 348 с.

²²Тагер Е.Б. Творчество Горького советской эпохи. М.: Наука, 1964. 378 с.

²³Бялик Б.А. Развитие традиций русской классической литературы в творчестве М. Горького // Творчество М. Горького и вопросы социалистического реализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 5–99.

²⁴Касторский С.В. Горький-художник: очерки. М.-Л. Гослитиздат. (Ленингр. отделение), 1963. 348 с.

²⁵Касторский С.В. Л. Толстой и М. Горький // Русская литература. 1961. № 2. С. 108-120.

²⁶Тагер Е.Б. Творчество Горького советской эпохи. М.: Наука, 1964. 378 с. С. 42.

²⁷Бочаров С.Г. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького // Социалистический реализм и классическое наследие. М.: ГИХЛ, 1960. С. 89-210.

²⁸Бурсов Б.И. Горький и Лев Толстой // Звезда. 1937. № 6. С. 171-178.

²⁹Мышковская Л. М. Горький и Толстой // Литературная учеба. 1937. № 6. С. 114-124.

³⁰Пиксанов Н.К. Толстой и Горький // Уч. зап. Горьковского ун-та. 1961. Вып. 56. С. 5-36.

эгоизма»³¹. На рубеже 1960-70-х гг. появляется работа И.В. Чуприной³², в которой раскрывается суть нравственно-философских исканий молодого Толстого. Интерес к автобиографии Толстого не ослабевает и в последующие годы. Яркими и убедительными представляются нам научные исследования С.Г. Бочарова³³, Е.Н. Купреяновой³⁴, П.П. Громова³⁵, Я.С. Билинкиса³⁶, Л.С. Дробат³⁷. Все они объединены стремлением дать характеристику стиливого новаторства молодого Толстого.

В последние десятилетия, судя по количеству работ, посвященных горьковской автобиографии, интерес к ней заметно ослабевает. В целом можно отметить усиление внимания к вопросам общечеловеческого содержания трилогии М. Горького. Отметим работы К. Ятокавы³⁸, А.В. Евдокимова³⁹. Все настойчивее заявляет о себе тенденция к преодолению упрощенных клише о Горьком-художнике нового времени. Весьма плодотворными в этом плане представляются нам попытки некоторых ученых охарактеризовать эстетические возможности феномена М. Горького (А.Б. Удодов⁴⁰), выявить мифотворческую основу произведений М. Горького (Л.А. Спиридонова⁴¹), установить причастность М. Горького к судьбам русского неореализма начала XX века (В.Т. Захарова⁴²).

Критики последних лет интересуются новыми аспектами творчества писателя, например, вопросами горьковской мифологии, его социально-политической позиции периода эмиграции. Особенно содержательным и концептуальным в этом плане представляется нам обстоятельный труд Н.Н. Примочкиной⁴³. Следует признать, что в настоящее время заложен основательный фундамент дальнейших горьковедческих исследований социально-исторической проблематики автобиографической трилогии, ее жанровой специфики, особенностей стиля и т. д. В связи с творчеством Толстого можно отметить возросший интерес к проблеме взаимодействия «рационального» и

---

³¹Касторский С.В. Л. Толстой и М. Горький // Русская литература. 1961. № 2. С. 108-120. С. 112.

³²Чуприна И. В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1961. 191 с.

³³Бочаров С.Г. Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 224-308.

³⁴Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.-Л.: Наука. (Ленингр. отделение), 1966. 324 с.

³⁵Громов П.П. О стиле Льва Толстого. Становление «диалектики души». Л.: Худ. лит. (Ленингр. отделение), 1971. 390 с.

³⁶Билинкис Я.С. Новаторство Л.Н. Толстого в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Лекция в спецкурсе по творчеству Л.Н. Толстого. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1973. 48 с.

³⁷Дробат Л.С. О романе Достоевского «Подросток» и трилогии Л. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность») // Яснополянский сборник. 1982. Статьи, материалы. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984. С. 68-74.

³⁸Ятокава Коити. Горький и Достоевский – неевклидовы параллели // Горьковские чтения. 2000. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002. С. 26-32.

³⁹Евдокимов А.В. Горький и Платонов: творческий диалог // Горьковские чтения. 2000. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002. С. 220-227.

⁴⁰Удодов А.Б. М. Горький. Преодоление мифа // Литература в школе. 1991. № 4. С. 79-87.

⁴¹Спиридонова Л.А. Мифопоэтическая основа художественного мира Горького // Горьковские чтения. 2000. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002. С. 3-12.

⁴²Захарова В.Т. Проза М. Горького Серебряного века: монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского педагогического ун-та, 2008. 81 с.

⁴³Примочкина Н.Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении. М.: РОССПЭН, 1998. 302 с.

«эмоционального» начал. Так, в конце XX века к анализу соотношения рационального и эмоционального применительно к крупным эпическим полотнам Толстого, таким, как «Война и мир», обращается А. Буланов⁴⁴. Во многом по своему идейному пафосу работе А. Буланова созвучно исследование Д.А. Абдуллиной⁴⁵. Среди трудов современных ученых можно отметить диссертацию О.О. Путило⁴⁶, в которой рассматривается проблема разума и чувств в творчестве Л. Толстого. Важные выводы о природе автобиографизма и автопсихологизма повестей раннего Толстого делает Л.С. Янковская⁴⁷. Интересную трактовку жанра автобиографии в контексте мифологической и рациональной констант предлагает критик К.Г. Райх⁴⁸. Г.В. Токарев изучает художественные параметры личного дневника писателя⁴⁹. Статьи И.Ф. Салмановой⁵⁰ и Н.И. Романовой⁵¹ содержат анализ исповедально-диалогических интенций автобиографического дискурса Толстого. О философско-нравственных поисках Толстого-автобиографа интересно и убедительно размышляет П.В. Басинский⁵². В последние десятилетия появляются исследования, связанные с анализом непосредственно автобиографических повестей М. Горького. В конце прошлого века был опубликован ряд работ, касающихся такого эстетического феномена, как «поэтизация разума» в автобиографических повестях М. Горького (И.К. Кузьмичев⁵³, А.М. Минакова⁵⁴). В последние годы появляется целый пласт работ, посвященных традиции горьковского автобиографического повествования в произведениях современной отечественной литературы (Н.В. Гречушкина⁵⁵, О.С. Сухих⁵⁶, М.Г. Уртминцева⁵⁷). Весьма интересным и

---

⁴⁴Буланов А.М. Философско-этические искания в русской литературе второй половины XIX века: «Ум» и «сердце» в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1991. 117 с.

⁴⁵Абдуллина Д.А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 208 с.

⁴⁶Путило О.О. Рациональное и эмоциональное в прозе «молодого Толстого»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 220 с.

⁴⁷Янковская Л.С. Автобиографизм или автопсихологизм? К вопросу авторского присутствия // Известия Саратовского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Выпуск 1. С. 87-91.

⁴⁸Райх К.Г. Автобиография в контексте мифологического и рационального осмысления бытия // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 13. Выпуск 3. С. 116-120.

⁴⁹Токарев Г.В. Дискурсивные особенности личного дневника как камерного документа // Вестник Волгоградского университета. 2019. Серия 2. Т. 18. № 2. С. 48-56.

⁵⁰Салманова И.Ф. Исповедально-диалогическая природа автобиографического дискурса Л.Н. Толстого // Наука. Искусство. Культура. 2017. Выпуск 1. С. 38-43.

⁵¹Романова Н.И. Повесть Л.Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 212 с.

⁵²Басинский П.В. Лев Толстой – свободный человек. М.: Молодая гвардия, 2022. 416 с.

⁵³Кузьмичев И.К. Герой и народ. М.: Современник, 1973. 336 с.

⁵⁴Минакова А.М. О художественных открытиях в ранней новеллистике Максима Горького // Горьковские чтения. 1992. Нижний Новгород, 1993. С. 24-27.

⁵⁵Гречушкина Н.В. Тема сиротства в произведениях М. Горького и М.А. Шолохова // Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конференции «XV Барышниковские чтения». Липецк: ЛГПУ, 2016. С. 123-128.

⁵⁶Сухих О.С. Мотивы горьковского «Детства» в повести В. Крапивина «Трое с площади Карронад» // Духовная культура Нижегородского региона: опыт системного описания. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2018. С. 306-319.

⁵⁷Уртминцева М.Г. Биографический миф о М. Горьком и художественная реальность: драматическая трилогия Н. Прибутковской «Три версии одной судьбы. Пьесы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 2. С. 474-479.

глубоким представляется нам исследование темы урбанизма в трилогии Горького (Т.В. Мальцева⁵⁸).

Наряду с этим по-прежнему актуальным для современного горьковедения остается вопрос идеологических, эстетических контактов М. Горького с его современниками. Большим подспорьем и богатым источником идей для изучения творчества М. Горького и его трилогии, в частности, стало подготовленное и продолжающееся коллективом ИМЛИ им. А.М. Горького 24-томное издание собрания сочинений писателя – серия «Письма» в 24 томах. (См., напр., т. 20 – 2018)⁵⁹. В работе Л.Е. Бушканец⁶⁰ на основе современной методологии намечена перспектива изучения творчества Горького в связи с рассмотрением Л. Толстого, А. Чехова и М. Горького в «единой связке». Важен тезис Л.А. Спиридоновой о сущности художественного метода Горького-автобиографа, отражающего его поиски «нового Человека»⁶¹. Что касается работ последних десятилетий, посвященных теории жанра автобиографии, то здесь намечается растущий интерес к такой проблеме, как «фактуальность» и «фикциональность» автобиографического дискурса. В этом плане интересными и обстоятельными видятся нам труды таких ученых, как Е.М. Болдырева⁶², Т.Г. Кучина⁶³, Ж. Женетт⁶⁴ и др.

В общем и целом проведенный нами обзор исследований показал, что идейно-художественные концепции обеих автобиографических трилогий – при всем бесспорном вкладе в их изучение – нуждаются в серьезном уточнении. Несмотря на то, что концепция «камерно-этического понимания» толстовской трилогии в целом не претерпела существенных изменений, на периферии внимания исследователей оказался комплекс вопросов, связанных *со способами* воссоздания «диалектики души». Долгое время сложнейшую философскую проблематику толстовской автобиографии ученые сводили исключительно к этическим моментам. Что касается горьковской трилогии, то вплоть до 1980-х гг. ее идейный пафос осмыслялся в социально-обличительных параметрах. Кроме того, до сих пор оказывается не проясненным до конца вопрос о характере психологической интроспекции, предопределившей самую форму «исповеди» Горького. В настоящее время необходимо выявить главные параметры горьковского автобиографизма, понять природу «самообъективации» писателя, особенно в связи с его исключительным вниманием к проблемам роста человеческого сознания. В этом смысле нам представляется целесообразным сопоставить подходы двух писателей

---

⁵⁸ Мальцева Т.В. Топос города в автобиографической трилогии М. Горького // Art Logos. 2025. № 1 (30). С. 26-31.

⁵⁹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 2018. Т. 20: Письма - август 1930 - ноябрь 1931. 1002 с.

⁶⁰ Бушканец Л.Е. «Отец, сын и внук»: Л. Толстой, А. Чехов и М. Горький в общественном сознании начала XX века // Горьковские чтения. 2004. С. 262-274.

⁶¹ Спиридонова Л.А. Горьковедение на современном этапе // Научная жизнь. 2016. Т.1. № 3–4. С. 419-433.

⁶² Болдырева Е.М. Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2007. 496 с.

⁶³ Кучина Т.Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX -начала XXI века: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. 269 с. С. 5.

⁶⁴ Женетт Ж. Вымысел и слог // Фигуры: в 2-х т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С.341-451.

к интерпретации собственного жизненного опыта в такой тонкой сфере, как взаимодействие «рацио» и «интуицию»

При всей плотной критической и литературоведческой «разработанности» двух трилогий обе они нуждаются в серьезном теоретическом переосмыслении, особенно в аспекте «самообъективации» и жанрового своеобразия. В настоящее время назрела потребность провести *целостный анализ поэтики, жанровых установок* трилогий с целью выявления главных принципов «автобиографирования» личностного бытия Толстым и Горьким. Иначе говоря, требуется существенно уточнить и дополнить сложившиеся представления об идейной и художественной новизне обоих автобиографических произведений.

Научная актуальность исследования, таким образом, подтверждается наличием нерешенных вопросов, выдвижением целого ряда злободневных задач, как теоретического, так и историко-литературного характера, ожидающих своего разрешения. Изучение продуктов художественной деятельности человека под интроспективным углом зрения является новым и перспективным направлением в литературоведении. Л. Толстой и М. Горький ввели в литературу новые формы художественной интерпретации. Назрела настоятельная необходимость осуществить сопоставительный анализ двух произведений в жанрово-интроспективном ракурсе с тем, чтобы шире и объемнее представить ту роль, которую два писателя сыграли в развитии мировой автобиографической словесности в целом.

Объект и материал исследования. Несмотря на признание значимости «диалектики души» как базового компонента жанровой структуры двух трилогий, самые формы «реализации» этого приема и выявления функциональной роли интроспекции диалектики сознания продолжают оставаться некой лакуной – то есть пространством важным для изучения. Исходя из этого, в качестве **объекта** исследования мы избираем феномен художественной общности трилогий Л. Толстого и М. Горького, а именно – характер психологической интроспекции, лежащей в основе двух жизнеописаний. Непосредственным **предметом** рассмотрения выступают жанровые установки двух трилогий – прежде всего в сфере показа «диалектики души» и создания на этой основе новых типов художественной автобиографии.

Материалом диссертации послужили прозаические художественные тексты автобиографических трилогий Л.Н. Толстого и М. Горького, дневниковые записи Л.Н. Толстого, письма и публицистика обоих писателей. Наряду с этим рассмотрению подверглись тексты автобиографической направленности таких русских авторов, как Владимир Мономах, Даниил Заточник, Афанасий Никитин, Иван Грозный, Епифаний, Аввакум, Я.П. Шаховской, Н.Б. Долгорукая, Б.И. Куракин, А.П. Болотов, М.В. Данилов, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Е.Р. Дашкова, Г.С. Винский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.А. Дурова, М.А. Дмитриев и др. А наряду с этим – мемуарно-биографические сочинения зарубежных авторов, таких, как Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий, Августин Блаженный, П. Абеляр, Ф. Петрарка, Д. Боккаччо, Б. Челлини, М. Монтень, Л. Стерн, Ж.-Ж. Руссо, И.В. Гете и др.

Цель диссертационного исследования – осуществить сопоставительный анализ поэтики трилогий Л.Н. Толстого и М. Горького в связи с использованием в

них принципов литературной интроспекции, что позволит уточнить характер жанровых установок двух жизнеописаний и их место в становлении мировой автобиографической словесности.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Дать теоретическое обоснование таких понятий, как «жанр», «художественная автобиография», «диалектика души», «диалектика сознания», «психологическая интроспекция», автобиографическая «фикциональность».
2. Выявить основные этапы формирования автобиографического дискурса в западноевропейском и русском художественном сознании, высветить логику становления в нем элементов «диалектики души».
3. Осуществить непосредственный анализ жанровой структуры трилогии Толстого на основе воссоздания «диалектики души».
4. Определить соотношение этической идеи трилогии Толстого и «идеи поэтической» как основного жанрообразующего принципа произведения.
5. Произвести анализ жанровой модификации «Детства», «В людях», «Моих университетов» М. Горького с точки зрения воплощения принципов «диалектики сознания».
6. Дать жанрово-типологическую характеристику двух жизнеописаний на основе выявления их художественной общности; обосновать качественное (сущностное) отличие горьковской автобиографии от толстовской как идейно-эстетического ряда с присущими ему проблемно-тематическими характеристиками, жанровой структурой и индивидуальной спецификой обрисовки характеров.

В качестве *гипотезы* мы выносим положение о том, что не только в трилогии Толстого, но и в трилогии горьковской мы имеем дело с уникальной поэтической целостностью, основу которой составляет воссоздание «диалектики души» или шире – «диалектики сознания». Оба художника строят свое жизнеописание как показ роста собственной уникальной личности через борьбу внутренних противоречий, скрытых в глубине сознания. Оба писателя воссоздают диалектику усложняющегося сознания, взятую в процессе стадийного становления. Мысль о непрерывно растущем человеке становится руководящей идеей их жизнеописаний и составляет «художественный нерв» и доминанту этих произведений.

Характер материала диссертации предопределил основные **методы и приемы** исследования. Конкретно-художественный анализ опирается на *комплексный* подход, который подразумевает использование ряда методов, синтезированных общностью принципов целостности, структурности, единства художественного текста, функционирования прямых и обратных связей и т. д. Согласно системно-типологическому подходу внутренняя организация изучаемых произведений анализируется в работе как органическая часть более общей образно-семантической системы – целостного литературного процесса, участниками которого являлись Л. Толстой и М. Горький. Историко-типологический метод позволяет выявить особенности становления литературных характеров, эволюции жанровой структуры исследуемых текстов. Сравнительно-исторический метод обеспечивает возможность вскрыть художественные связи, характер интерпретации различных литературных приемов, в частности, показ «диалектики души». Структурный метод исследования использован в данной работе для

выявления внутренних закономерностей литературного текста и рассмотрения произведения как определенной художественной модели, обладающей стилевой и жанровой спецификой.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды выдающихся филологов, заложивших основу рассмотрения автобиографического дискурса в единстве идейных и формальных компонентов. Теоретические и историко-литературные труды, сыгравшие ведущую роль при формировании методологической стратегии исследования, можно разделить на ряд блоков. 1. *Теория жанра*. (Работы А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, А.А. Потебни, А.Н. Иезуитова, С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, Ю.Н. Тынянова, Б.О. Кормана, Н.Д. Тamarченко и др.). 2. *Теория автобиографизма*. (Исследования М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, А.В. Антюхова, П.М. Бицилли, С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбург, Н.А. Николиной, Л.И. Бронской, Г.Е. Гюбиевой, А.Г. Тартаковского и других классиков отечественного литературоведения. Среди современных авторов, внесших существенный вклад в разработку научных методов изучения автобиографической словесности, следует отметить таких литературоведов, как Ю.П. Зарецкий, Л.Г. Кихней, Т.Г. Кучина, С.В. Волошина, Е.М. Болдырева, А.С. Бокарев, Л.М. Ньюбина, Е.Е. Сапогова, И.Ф. Салманова, Д.М. Магомедова, Ю.Л. Сапожникова и др. Ценные положения, касающиеся способов познания автобиографического дискурса, можно обнаружить в исследованиях зарубежных ученых: Ф. Лёжень, Ж. Старобинский, И. Брокмейер, М. Медарич и др.). 3. *Теория литературного психологизма*. (Научную основу изучения онтологической сущности «диалектики души» или «диалектики нравственного сознания» составили труды Б.М. Эйхенбаума, М.М. Бахтина, А.П. Скафтымова, И.В. Чуприной, А.Б. Есина, И.К. Кузьмичева и других ученых. Среди литературоведов последних лет, внесших определенный вклад в разработку вопросов «диалектики души» и психологической интерпретации характера в творчестве Л. Толстого и М. Горького, назовем таких авторов, как Е.В. Лебедева, Е.Е. Орехова, Е.М. Геронимус, А.В. Бабук, Б.Г. Бобылев, Л.С. Янковская).

Научная новизна исследования заключается в углублении представлений о поэтике и жанровой природе двух выдающихся творений русской словесности – трилогий Толстого и Горького.

1. Результатом диахронического анализа стало выделение и описание двух главных модификаций мировой мемуарно-биографической словесности: психологического автобиографизма и историко-общественного психологизма.

2. Развивая линию психологического автобиографизма, Л. Толстой создал автобиографию нового – диалектического типа, основу которого составил показ духовного роста личности как непрерывного, стадийного процесса, в глубине которого лежит борьба внутренних противоречий характера человека. При этом толстовская «диалектика души» не сводима только к этическому аспекту, поскольку она опирается на синтез этического и «поэтического» начал.

3. М. Горький строит свою автобиографию также на принципах диалектического типа и главным способом изображения характера делает воссоздание «диалектики души» или «диалектики сознания». Наряду с этим

он модернизирует приемы толстовского психологизма и показ роста личности рассматривает в парадигмах радикального преобразования русского мира. Продолжая и развивая эстетические традиции своего литературного предшественника, Горький разрабатывает принципы «самообъективации», увязанной с общественно-политическими интенциями.

4. Психологическая интроспекция Толстого строится на исследовании единого и цельного сознания автогероя, являющегося центром внимания художника. Основу психологической интроспекции Горького образует эстетическое двоецентрие. Автобиографический герой Горького – это и герой-«медиум» (наблюдатель русской жизни), и самостоятельный герой повествования – полноценный объект исследовательской мысли писателя.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при создании современной научной концепции русской литературы второй половины XIX – начала XX веков. Согласно ей русская автобиографическая словесность (А.И. Герцен, С.Т. Аксаков, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Г. Короленко) развивалась преимущественно в русле «событийного» (или «историко-общественного») автобиографизма. Л.Н. Толстой своей трилогией дал новое направление становлению русской художественной автобиографии, поскольку придал импульс психологическим интенциям в сфере «самообъективации». Позже эта модель «диалектики души» Толстого будет развита и интерпретирована Горьким-автобиографом в духе требований новой эпохи. Л. Толстой выступил как первооткрыватель новых форм автобиографизма, основанного на воссоздании процессов диалектического роста личности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы, полученные в нем, создают основу для дальнейшего изучения литературного процесса рубежа XIX-XX веков, истории и теории становления и развития жанра автобиографии в целом. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в курсах истории русской литературы XIX и XX вв., в работе со студентами и аспирантами, специализирующимися в области изучения отечественной классики, а также в деятельности практикующих учителей-словесников.

Личный вклад автора диссертации заключается в том, что он самостоятельно выявил проблему изучения горьковской трилогии с точки зрения воплощения в ней принципов показа «диалектики души». Диссертант лично определил направление исследования, его цель, задачи, осуществил критический анализ научной литературы. Заслугой автора диссертации является рассмотрение двух жизнеописаний не только в сопоставлении друг с другом, но и в широком контексте мировой автобиографической словесности. Диссертант лично разработал концепцию, связанную с выявлением типов художественной автобиографии в русской и зарубежной литературе, определил значимость «поэтического» начала в трилогии Л.Н. Толстого, а также установил факт развития М. Горьким толстовских традиций в сфере воспроизведения внутреннего мира человека.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Принцип психологической интроспекции, предполагающий анализ личностного самораскрытия, тесно связан с такой общепризнанной эстетической категорией, как психологизм. Сама жанровая природа автобиографического дискурса уходит

своими корнями в интроспекцию. Интроспективный подход в анализе текста может и должен составить своего рода «базу» для осмысления модели бытия, представленной в автобиографическом тексте, ибо он строится на совмещении реальности, имевшей место в действительности, и реальности поэтической.

2. В истории автобиографической зарубежной и русской словесности выделяются две ветви или две главные ее модификации: «психологический» автобиографизм и «событийный» (или «историко-общественный») автобиографизм. Первый основан на изображении «камерных», глубоко сокрытых переживаний автогероя. Второй предполагает показ широкого социального фона, в условиях которого формировалась личность автора.

3. Развивая приемы психологического письма Стерна, Руссо и других авторов, открывших элементы «диалектики души», Толстой создает новую модель художественного автобиографирования. Тезис Н.Г. Чернышевского о мастерстве Толстого рисовать текучесть душевной жизни героя может быть дополнен положением о том, что Л. Толстой рисует непрерывный процесс саморазвития личности через борьбу противоречивых начал. Детство выступает у него как эпоха торжества добра. Отрочество воссоздано в интенциях отрицания доброго начала и активизации сил эгоизма. Юность в трактовке Толстого – фаза отрицания отрицания и восстановления благой сущности «перводанного» характера.

4. Интроспективная концепция Л. Толстого базируется на «симбиозе» или «синтезе» этической и «поэтической» идей. Толстой-художник – через особые формы психологической интроспекции – стремится «заразить» читателя любовью к жизни, пробудить в нем нравственное отношение к себе и направить его к поискам смысла бытия. Стремление Толстого художественно раскрыть двуединую сущность этической и «поэтической» сторон «диалектики души» предопределяет параметры жанровой модификации его художественной автобиографии.

5. Принцип автобиографизма (автобиографическая видовая сущность) трилогии Л. Толстого не подлежит сомнению. Этот принцип определяет собой отбор материала, способ художественного моделирования жизни и создание образной системы. Жанровую сущность трилогии Л. Толстого можно определить как этическую художественную автобиографию диалектического типа, в которой воссозданы глубинные процессы становления нравственного сознания личности.

6. Между автобиографиями Толстого и Горького существует типологическая жанровая общность. Основу структурного «родства» двух трилогий образует установка обоих писателей на показ стадийного, непрерывного духовного развития человека или показ «диалектики сознания».

7. Горьковская автобиография являет собой исповедальное творение, нацеленное на осмысление собственной жизненной судьбы в парадигмах «диалектики сознания», поскольку в ней представлен не только «рассказ о мире», но и история становления собственного «Я» через показ трех эпох в жизни человека – детства, отрочества, юности, диалектически отрицающих друг друга. Жанровую структуру горьковской «исповеди» обуславливает не внешнесобытийный дискурс, не эпические интенции, а установка на выявление законов внутреннего роста и логики диалектического становления сознания. Основу компоновки главных эпизодов горьковского творения предопределяет изображение духовного пути ребенка, подростка, юноши,

растущего в приобщении к народной морали и вместе с тем преодолевающего ограниченность ее стихийности и социального пассивизма.

8. Главным средством воплощения особой жанровой установки у Горького выступает новая модель субъектной организации текста. С одной стороны, сознание автогероя – это некая призма, пропускающая через себя поток бытия. А с другой, сознание автобиографического героя – важнейший объект пристального внимания художника. Пешков в горьковском жизнеописании выступает и как герой-«медиум», и как самостоятельный герой, находящийся в центре событий, и как активно действующее лицо. Анализ формирующегося сознания Пешкова есть главный способ реализации художественной идеи автора.

9. Развивая традиции психологической интроспекции Толстого, Горький создает автобиографию социально-революционного типа. В ней «рассказ о себе» подчинен выражению неких социальных идей, являющихся обобщением самого широкого плана. Если основу жанровой модификации трилогии Толстого составляет анализ этического роста личности, то Горький изображает стадии созревания социального или революционного сознания.

10. Искусство воссоздания «диалектики сознания» резко выделяет творения Толстого и Горького из массы произведений автобиографической направленности. Этим художественным приемом обусловлено особое место двух писателей в мировой автобиографической словесности.

Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Апробация работы. Концепции, выводы и результаты диссертации обсуждались в ходе докладов на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: Международная научная конференция «Горьковские чтения». Н. Новгород (1982, 1988, 1990, 2004); «Проблемы писательской критики». Республиканская научно-теоретическая конференция. Таджикский ун-т, Душанбе (1987); Международная конференция «Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи». Н. Новгород (2006); Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития науки и образования». Тамбов (28 февраля 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Современное общество, образование и наука». Тамбов (31 марта 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Наука XXI века. Вызовы, становление, развитие». Петрозаводск (26 июня 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Состояние и тенденции развития». Петрозаводск (12 июля 2023 г.); III Международная научная конференция НГЛУ «Литература в глобальном мире». Н. Новгород (25 мая 2024 г.); VIII Международная научно-практическая конференция «Наука молодых – наука будущего». Петрозаводск (29 февраля 2024 г.); III Международная научно-практическая конференция «Инновационный вектор развития современной науки». Петрозаводск (4 марта 2024 г.); IX Международная научно-практическая конференция «Наука молодых – наука будущего». Петрозаводск (19 марта 2024 г.); III Международная научная конференция НГЛУ «Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология». Н. Новгород (24-25 мая 2024 г.). Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры истории журналистики и

литературы Московского университета имени А.С. Грибоедова. Основные положения работы наряду с этим были также *апробированы* и *внедрены* в преподавательскую практику при чтении диссертантом лекционных курсов и проведения практических занятий со студентами НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Результаты также изложены в 53 научных публикациях, 20 из которых – в журналах из перечня ВАК, а также в 2 монографиях. Общий объем опубликованных работ – 41.4 п. л.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации по следующим пунктам паспорта специальностей ВАК РФ: 3. История русской литературы XIX века (1800-1890-е годы). 4. История русской литературы XX века (1890-1920-е годы). 10. Биография и творческий путь писателя. 12. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии. 16. Русские эго-документы в их историческом развитии и взаимодействии с художественной литературой. 24. Взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы, определены цель и задачи исследования; сделан обзор критической литературы, посвященной изучению автобиографических трилогий Л.Н. Толстого и М. Горького; сформулирована проблема диссертационного исследования, обозначена ее теоретическая и практическая значимость; перечислены методы, использованные в работе. В положениях, выносимых на защиту, отражена логика исследования, которая обусловлена необходимостью комплексного изучения автобиографий Толстого и Горького в новых исторических реалиях с учетом достижений современного литературоведения, социологии, психологии. Дано обоснование структуры диссертационной работы, которая определена целесообразностью проведения углубленного сравнительно-сопоставительного текстуального анализа автобиографических произведений путем использования диахронного и синхронного подходов. Эти подходы позволяют определить функциональную роль и значимость таких приемов, как «диалектика души» и «диалектика сознания», использованных Л. Толстым и М. Горьким при создании новых жанровых форм автобиографического повествования.

В **главе первой «К теории жанров автобиографии. Этапы становления художественной автобиографии в западноевропейской и русской литературах»** рассматриваются теоретические вопросы, связанные с проблемой жанровых характеристик художественной автобиографии. В ней прослеживается эволюция жанра автобиографии, зарождение элементов психологического анализа в произведениях мемуарного характера, дается анализ становления форм «художественной самообъективации» как в русской, так и в зарубежной литературах – начиная с эпохи античности и заканчивая XIX веком.

В **параграфе 1.1. «Проблема вычленения жанрового ядра художественной автобиографии в кругу родственных автобиографических**

конструкций» изложены основные теоретические положения, касающиеся проблемы жанровой идентификации автобиографии. Жанр автобиографии понимается нами как исторически развивающийся *тип* устойчивой структуры произведения, в котором все его элементы взаимосвязаны и объединены единой установкой автора. Художественная автобиография – это структурное целое с достаточно жестким стержнем. Основу этого целого образует воссоздание жизненного пути автора, понимаемое им как самоосуществление собственного «Я». Содержательным ядром автобиографической формы является способ художественной интерпретации авторского «Я», о чем писал М.М. Бахтин, рассматривая «форму биографии лишь в тех отношениях, в каких она может служить для самообъективации, то есть быть автобиографией»⁶⁵. Художественная автобиография – это повествование с устойчивой ретроспективной установкой, жанр, в котором автор и повествователь совпадают. Изучение продуктов художественной деятельности человека под интроспективным углом зрения является новым и перспективным направлением не только, скажем, в психологии или в лингвистике текста, но и в области литературоведения. Интроспективный подход к анализу текста может и должен составить своего рода «базу» для осмысления модели бытия, представленной в автобиографическом тексте, ибо он строится на совмещении реальности, имевшей место в действительности, и реальности, интерпретированной по законам поэтики. Если создателем первой является жизнь, то творцом второй выступает «ауктор». Наряду с вышесказанным главным предметом нашего рассмотрения является интроспекция не сама по себе, но интроспекция в ее отношении к жанровым формам, к формам автобиографического осмысления мира.

Параграф 1.2. «Формы психологической интроспекции: к разграничению жанрообразующих констант «душа» и «сознание» содержит теоретическое обоснование различий в содержании терминов – «диалектика души» и «диалектика сознания», с позиций которого проводится текстуальный анализ произведений. «Душа» и «сознание» трактуются в работе как две грани, две различимые сущности единого духовного целого. Внутренняя духовность есть «... единство души и сознания, а в результатах деятельности – это мысли и чувства человека. Недопустима абсолютизация ни души, ни сознания, ибо они дополняют друг друга»⁶⁶. Несмотря на известную «философскую подоплеку», термин (или понятие) «диалектика души» давно обрел свою литературоведческую определенность и стал необходимой частью методологического инструментария, используемого для постижения стилевой манеры Толстого и других художников психологической ориентации. Для подтверждения распространенного, продуктивного и «законного» использования данного термина достаточно сослаться на труды таких выдающихся литературоведов, как Б.М. Эйхенбаум (1922), П.С. Попов (1939), С.Г. Бочаров (1963), А.П. Скафтымов (1972), И.К. Кузьмичев (1973) и др.

---

⁶⁵Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 422 с. С. 132.

⁶⁶Катунина Н.С. Диалектика души и сознания в духовной сущности человека // Вестник ТПГУ. 2001. Выпуск 3 (38). С. 22-25. С. 25.

В параграфе 1.3. «Главные этапы формирования художественной автобиографии в западноевропейском художественном сознании. (От античности до XIX в.)» прослеживается эволюция жанра автобиографии в западноевропейской литературе, выявляются доминирующие черты его различных модификаций. Предпосылки жанра – в античной биографии, выступавшей в роли матричной основы для зарождения автобиографизма. «Эталонные» образцы античного самоизображения можно обнаружить в творчестве древних философов (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий). Автобиографизм как форма выражения психологии личности в эпоху античности носит во многом условный характер, так как осознание индивидуумом своего «Я» лишь вызревало в недрах эстетического сознания. Одна из первых классических автобиографий – «Исповедь Августина Блаженного». В ней автобиографическая форма соединяется, «срастается» с религиозной исповедью. Августин (IV век н.э.) впервые делает свое «Я» предметом художественного исследования, а «рассказ о себе» превращает в способ самопостижения. По мере развития общественных отношений автобиография, постепенно десакрализируясь, становится формой «поисков себя» (П. Абеляр, Ф. Петрарка, Дж. Боккаччо). Ренессансная автобиография окончательно завершает традицию умаления перед высшим авторитетом и обнаруживает растущий интерес художника к самому себе («Жизнь Бенвенуто Челлини... », XVI в.). Мотив «внутренней чести», по мнению Гегеля, не известный античному классическому искусству, в ренессансной автобиографии получает развернутое обоснование и яркое художественное воплощение. «Громогласный» артистический самоотчет гуманистов открывает новые перспективы освоения пространства внутреннего мира, что в эпоху Просвещения подготовило появление произведений, которым суждено было сыграть особую роль в становлении форм литературного психологизма. Л. Стерн новаторски решает проблему художественного воссоздания образа душевной жизни героя путем конструирования образа внутреннего мира героя как сложного единства мыслей, чувств, эмоций и переживаний. Линию психологических открытий Стерна продолжает Ж.-Ж. Руссо. В своей «Исповеди» он раздвигает горизонты художественного самоосмысления и закладывает основы углубленного анализа роста личности. Форма исповеди приобретает черты самоанализа, поисков причин противоречивости чувств, испытываемых человеком. Открытый и художественно воплощенный Стерном и Руссо способ проникновения во «внешнюю» жизнь через глубинный анализ жизни «внутренней» найдет свое продолжение и развитие в творческих исканиях Н.М. Карамзина, М.Ю. Лермонтова и, конечно же, Л.Н. Толстого. В «Поэзии и правде» И.В. Гете заявляет о себе новая автобиографическая модификация, основу которой составляет репрезентация личности художника через призму картин общественного бытия. Гетевский «рассказ о себе» – это и правдивое жизнеописание, и попытка писателя понять дух Времени и эпохи. Если Стерн и Руссо воссоздают текучесть человеческого сознания, то Гете уходит от изоощренной рефлексии. Автор «Поэзии и правды» сосредоточивается на изображении влияний общества на мировоззрение творца.

В параграфе 1.4. «Развитие автобиографических компонентов в русской литературе (XI-XIX вв.)» дается краткий обзор становления жанра автобиографии в русской литературе. «Поучение Владимира Мономаха» (XI век) представляет собой один из первых опытов автобиографического дискурса в отечественной

словесности. Эстетическим открытием автора «Поучения» становится преодоление диктата агиографического канона, что находит подтверждение в последующей традиции русской средневековой словесности: в «Молении Даниила Заточника» (XIII в.) и «Хожении за три моря» (XV в.). Так, в «Хожении» Афанасия Никитина эпика переплетается с лирикой, а психологическая деталь начинает выступать как мощное средство обрисовки собственного «Я». Вместе с тем даже в этих произведениях автобиографизм еще не полностью освободился от тотального господства агиографического канона, что характерно для произведений «учительной литературы». На протяжении XV-XVII вв. личностное начало настойчиво утверждает себя в сочинениях мемуарного плана. Одной из тенденций развития «Я»-словесности становится усиление лично-личных интенций. В этот период прорывы сквозь завесу анонимности осуществляются в произведениях автобиографической направленности, содержащих в себе элементы психологизма (Иван Грозный, инок Епифаний, протопоп Аввакум). В жизнеописаниях Аввакума, Б.И. Куракина абстрактный психологизм эволюционирует и трансформируется в конкретно-исторический психологический анализ, характеризующийся стремлением связать образ героя с окружающей его средой. В «Житии протопопа Аввакума», несмотря на органическую связь этого литературного памятника с агиографическим повествованием, явственно заявляет о себе принцип «художественной самообъективации» (М. Бахтин). После Аввакума жанр автобиографии на русской почве «замирает» чуть ли не на целое столетие. В начале XVIII века получают распространение хроникально-мемуарные сочинения, в которых личностные мотивы уступают место началу событийному. Писатель ставит себя в позицию свидетеля, добросовестного наблюдателя за происходящим. Таковы мемуарно-биографические творения Б.И. Куракина, Г.П. Чернышева, А.П. Болотова, Г.Р. Державина и др. И лишь во второй половине XVIII века наряду с «событийной» мемуаристикой появляются литературные формы, в которых доминируют самопризнания, изображение чувств и тонкой «жизни сердца». Сочинения Я.П. Шаховского, М.Д. Чулкова, княгини Н.Б. Долгорукой и др. содержат в себе не только «моральную самоаттестацию», но и попытки представить свой характер в динамике (Г.С. Винский, М.В. Данилов, Н.М. Карамзин). Благодаря Н.М. Карамзину русская автобиография обретает «литературность», сюжетно-художественную оформленность. Новую тональность русскому автобиографизму придают мемуарные записки А.С. Пушкина. Пушкинский «рассказ о себе» – оригинальное произведение как по своей идейной сути, так и по оформлению. Сам создатель «воспоминаний» никогда «не теряется» на фоне событий и выведенных им лиц. Особый вклад в развитие отечественной автобиографической словесности вносит М.Ю. Лермонтов. Не оставив после себя каких-либо законченных сочинений мемуарного содержания, Лермонтов создает ряд выдающихся творений, пронизанных духом несомненной «самообъективации». Создатель «Героя нашего времени» – один из главных предшественников Л.Н. Толстого как в плане литературного, «концептуального» автобиографизма, так и в плане изображения психики человека. Он «подготавливает» рождение толстовского психологического анализа – «диалектики души». Лермонтов, продолжая традицию Карамзина, укрепляет позиции так называемой психологической ветви русского автобиографизма, начало которой положили литературные опыты Л. Стерна и Ж.-

Ж. Руссо. Вторая модификация русского автобиографизма – «событийная» или «мемуарно-событийная» линия, представленная «авторассказом», ориентирована на субстанцию «деяние» личности и изображение широко понимаемого общественного фона. К середине XIX века как в зарубежной, так и в русской словесности проявляют и утверждают себя два главных подхода к освещению истории человеческого «Я» – «психологический» автобиографизм и автобиографизм «событийный» или «историко-событийный». Для первой модификации художественного самопознания характерно воспроизведение судьбы героя (в той или иной мере приближенного к личности автора) на фоне судеб узкого круга лиц. В сочинениях этого плана доминирует рефлексия, интерес к сфере глубоко сокрытых переживаний и чувствований. Второй тип «самообъективации» оставляет в стороне детализацию чувств, исследование глубин внутренней жизни героя и сосредоточивается на показе человека в гуще общественных событий, на выявлении общественного статуса создателя текста. Этот принцип изображения получит развитие в автобиографических опытах А.И. Герцена, а позже В.Г. Короленко. «Психологическую» линию поддержит и разовьет в своем творчестве молодой Л.Н. Толстой.

Глава вторая «Трилогия Л.Н. Толстого. Проблема «диалектики души» как формы интроспекции» посвящена текстуальному анализу автобиографических повестей Л.Н. Толстого как поэтической форме воплощения философско-этических и эстетических установок художника.

Параграф 2.1. «У истоков нового художественного мышления» содержит обзор философских причин апелляции молодого писателя к сфере художественного самопознания. Помимо идейных факторов (теория самоусовершенствования личности) Толстого к созданию «рассказа о себе» подтолкнули еще и эстетические соображения. Ранний Толстой почувствовал уникальность собственного мироощущения и видения той эпохи, которая кладет начало всему. «... когда я писал «Детство», то мне представлялось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства»⁶⁷. Ощущение этого самобытного воззрения предопределило дух и самое направление толстовской интроспекции. Молодой прозаик замыслил в своей «исповеди» передать очарование и красоту бытия. Желая выразить «всю прелесть и поэзию своего детства», Толстой ищет адекватную форму для передачи этого особенного взгляда на мир. Однако в своем юношеском романе «Четыре эпохи развития» эффекта «поэзии» Толстой добиться не смог, поскольку принялся описывать не свое детство, а детство другого – вымышленного мальчика. В результате такой «художественной аберрации» степень «сердечности описания» или степень «любовности описания» была утрачена. Переход от «романной структуры» к автобиографии резко меняет характер описания. «Стихия поэзии» проникает в «Детство» и становится органичной частью повествования.

В параграфе 2.2. «Детство». Зарождение нравственного сознания и его главных диалектических противоречий» дается анализ первой повести трилогии с точки зрения психологической интроспекции. Детство в изображении писателя предстает как эпоха добра и света, как время единения ребенка с миром. Благостная атмосфера жизни в деревне в максимальной степени способствует раскрытию

---

⁶⁷ Интервью и беседы с Львом Толстым. М.: Современник, 1986. 525 с. С. 305.

исконных душевных качеств ребенка. Однако уже в «Детстве» автор отмечает предпосылки для прорастания иных – эгоистических устремлений героя (обида на Карла Ивановича, зависть к Володе, желание выказать удалство на охоте, приступы злобы и презрения в отношении к Наталье Савишне). В следующей части повести Толстой перемещает героя из одного пространства в другое, городское. Смена обстановки не проходит для героя бесследно. Эгоистическое начало, едва-едва проявлявшее себя в деревне, в городе продолжает свою невидимую «работу». Прослеживая борьбу двух начал – природной доброты и тщеславия, Толстой не оставляет в стороне и *движение мысли* маленького героя. Финальные эпизоды весьма показательны как в плане морально-нравственной эволюции героя, так и в плане усиливающейся рефлексии. После пребывания в Москве и особенно после смерти папани Иртеньев обнаруживает куда больше *понимания* сути вещей и явную склонность к самоанализу. Таким образом, в «Детстве» с самых первых эпизодов обнаруживает себя идея, которая будет направлять повествование. Это – этическая идея, которая получает в повести «поэтическую» оформленность. «Рассказ о себе» повествователь строит как анализ непрестанной борьбы доброго и злого начал в душе человека.

В параграфе 2.3. «Отрочество». «Новый взгляд» и отрицание эпохи добра и поэзии» предметом рассмотрения становится материал второй повести трилогии. В изображении Толстого эпоха отрочества выступает как некое «опровержение» детства, когда пробуждается разум и происходит рост аналитики. Прежнее, восторженно принимающее отношение все очевиднее уступает место более критическому и оценивающему. Герой открывает бездну недостатков в окружающих его людях. Силы зла и эгоизма, доселе дремавшие в незрелом сознании дитяти, получают ощутимую поддержку в пробуждающейся мысли подростка. Исследуя историю «морального падения» (термин Толстого) подростка, художник не просто «ведет», разрабатывает морально-этическую линию, но и теснейшим образом увязывает ее с линией «поэтической». В главах «Поездка на долгих», «Гроза» Николенька нравственно чист, а потому (по авторской логике) и счастлив. Идеино-эмоциональный пафос московских глав иной – тревога, диссонанс, напряжение. В столице герой утрачивает спокойствие и прежнее единение с миром. Сцена на званом ужине становится кульминационной. Она рисуется автором как торжество злого начала. Двудеиная идея, опирающаяся на синтез «поэтического» и этического, в этой части повести обнаруживает себя опосредованно. Причины морального срыва следует искать в утрате живой связи ребенка с красотой мира. «Поэзия» оставляет автобиографического героя, ибо душа его замутнена нечистыми помыслами. Но она присутствует в нарративе Толстого как некий идеал, утраченный автогероем, но «не утраченный» автором текста и освещающий изнутри страницы произведения. Последующая пора уединенных и сосредоточенных размышлений, длящихся почти год, еще более уводит героя от источника добра и счастья. Под влиянием бесплодных «умствований» подросток теряет моральные убеждения, прежде *бессознательно* усвоенные им в детстве. Но Толстой рисует нам, подчеркнем, не губительное и развращающее воздействие разума на моральные устои, но *противоречивую суть* этого явления. Начав размышлять, герой утрачивает былую нравственную чистоту. Однако по истечении времени размышления толстовского персонажа начинают играть позитивную роль.

Особая «философская» настроенность позволяет ему сойтись с Нехлюдовым. «Идейная» дружба с Дмитрием не только выводит героя из «пустыни одиночества», но и кладет начало духовному обновлению героя.

В параграфе 2.4. «Повесть «Юность» как стадия диалектического синтеза» выявляются особенности автобиографирования личностного опыта, «смообъективации» в заключительной части трилогии. Повесть «Юность» подается писателем как возвращение к истокам и к своему «перводанному» естеству. Если прежде мысль о необходимости самоусовершенствования представлялась Иртеньеву некой смутной догадкой, то теперь она мыслится им как сознательная установка. Однако в практических шагах «спутанность» доброго и злого проявляется с еще большей очевидностью (ночной визит к священнику, закончившийся хвастливыми разговорами с кучером, обет отдавать десятину бедным, обернувшийся долгами и растратой денег). Повесть «Юность», как и первые части трилогии, проникнута духом преклонения перед красотой и величием жизни. Здесь «поэтическая» идея, понимаемая писателем как выражение восторга перед силой и прелестью бытия, выступает в концентрированном виде и в своей обнаженной сути. В финале повести художник рисует мучительный процесс освобождения героя от «комильфотных настроений» и возвращения его к истокам добра. Главными сюжетными узлами, позволяющими высветить сущность этого процесса, становятся рассказ о «дружбе-ненависти» с Нехлюдовым и эпизоды, связанные с университетской историей героя. В «демократах» курса, чрезвычайно далеких от идеала «комильфо», Иртеньев неожиданно для себя открывает подлинно человеческие достоинства и качества. Под влиянием Зухина, Семенова и др., а также вследствие провала на экзаменах юноша переживает настоящее морально-этическое потрясение, помогающее ему встать на стезю добродетели. В конце повести автобиографический герой переживает новый моральный подъем, содержание которого принципиально отличается от «весеннего». Теперь Иртеньев осознает цену тщеславию и светскому успеху. Таким образом, в «Юности» воссоздана эпоха, в которой доброе и злое начало вступают в серьезную и бескомпромиссную схватку друг с другом. Наряду с усилением ложного слоя души мощно заявляет о себе субстанция «добро», поддержанная не только «перводанным инстинктом», но и силами растущего ума. Несмотря на явную активизацию тщеславных устремлений, верх берут «совесть», «идеал» и мощное желание сделаться лучше. *Взаимопроникновение этического и «поэтического» как яркая черта структурной организации текста, как жанровая установка* обнаруживает себя с полной очевидностью. Осознание вековой красоты мира помогает юноше обрести себя и свою истинно человеческую сущность.

Параграф 2.5. «Вклад Л. Толстого в развитие литературной интроспекции. Симбиоз «поэтической» и этической идей» посвящен обоснованию концепции эстетической новизны трилогии. Новаторство толстовского цикла обнаруживается на нескольких поэтических уровнях трилогии, и связано оно в первую очередь с «диалектическим мировидением» писателя. Толстой предлагает читателю не просто компоненты «диалектики души», но рисует *целостную* картину непрерывного развития души героя. И это принципиально отличает его от всей предшествующей традиции литературного психологизма. У Толстого диалектика роста души становится главной линией повествования и

жанрообразующей доминантой текста. Важнейшим способом показа процесса «усложнения сознания» становится для Толстого «микроскопизм», когда в малом проявляется общее, типичное, а краткий период времени (два дня из жизни героя в «Детстве») начинает выступать как фрагмент онтологического бытия. Толстовский «микроскопизм» обусловлен особой установкой писателя – показать «механизм» душевной жизни, непрекращающийся процесс борьбы двух начал в душе человека. Именно эта интроспективная установка потребовала от молодого писателя-психолога столь неслыханно крупного плана изображения неприметных, мельчайших движений души. Только так – через «укрупнение мелкого» – и мог этот удивительный художник вскрыть тайную подоплеку человеческих поступков. Три повести трилогии Толстого – это *три эпохи становления человеческого начала в человеке*. Так до Толстого свою художественную автобиографию никто не строил, ибо он осмыслил, «интроспектировал» свое детство, отрочество и юность как рассказ о зарождении и утверждении добра или зла в человеке. Писатель главным объектом своего наблюдения сделал процесс формирования души *или трех стадий единого процесса, причем в их диалектическом отрицании одна другой*. Одна фаза развития – в силу накопления отдельных качеств и элементов – переходит в другую фазу, которая отрицает предыдущую и сама становится материалом отрицания для фазы, идущей ей вослед. Детство в трилогии Толстого – это ступень «утверждения» или «набора» (концентрации) качеств характера доброй направленности. Отрочество – ступень отрицания детства, эпоха пробуждения разума, плотских инстинктов, активизации самолюбивого начала. А юность представлена как ступень отрицания отрицания или как эпоха возвращения к детству, к торжеству добра на основе разумного самоопределения и нравственного самоусовершенствования личности. Таким образом, Толстой ввел в искусство слова не просто углубленный психологизм. Он открыл и художественно реализовал принцип *«диалектического психологизма»*. Автор «Детства», «Отрочества», «Юности» разработал и утвердил *диалектический тип художественной автобиографии*. Другой гранью толстовской интроспекции и его автобиографического «самоосуществления» становится синтез идей этической и «поэтической». Этот синтез или двуединство знаменует собой особенный дух толстовского сочинения. «Поэзия жизни», т. е. воспевание красоты, силы и смысла жизни как таковой, – отнюдь не колорит, не «эмоциональный фон» писательского автопортрета, а *идейная* составляющая трилогии. Причем не менее значимая, чем собственно этическая линия ее. Идейную «сердцевину» толстовской «исповеди» образуют не быт и даже не нравы, когда-то имевшие место, а *«поэзия» детства, отрочества, юности*. «Поэтическая идея» проникает собой все толстовское повествование и составляет «дыхание» этой удивительной книги. Интроспекция Толстого, самый способ автобиографирования, или интерпретация фактов авторского бытия, художественно организованы так, что мы – благодаря Толстому – постигаем законы формирования личности. «Поэтическая» идея выступает у Толстого как оригинальный способ воплощения доктрины нравственного толка. Интроспективный посыл у Л. Толстого реализуется через «углубленную саморефлексию», через жанровую форму, основу которой составляет воссоздание диалектического роста личности.

Параграф 2.6. «Трактовка «души» и «разума» в этической концепции Толстого» посвящен анализу толстовского отношения к разуму. Диссертант

доказывает тезис о том, что Толстой-автобиограф весьма положительно оценивает возможности «ясного рассудка». Толстовскую «саморефлексию» образуют прозрения самого широкого, обобщающего свойства. Тезис об особом умении автора «Детства» рисовать «диалектику души» можно (и нужно) дополнить концепцией художественного симбиоза идей «поэтической» и этической, а также положением о том, что Толстой дает убедительную картину формирования «диалектики сознания» своего героя.

Глава третья «Трилогия М. Горького: преломление толстовской традиции и ее кардинальное обновление» содержит анализ «Детства», «В людях» и «Моих университетов» с точки зрения идейно-структурных аспектов воплощения «диалектики души» или «диалектики сознания». Здесь речь идет о принципах горьковской автобиографии, предопределивших собой жанровую структуру, характер авторского повествования и набор определенных формально-содержательных элементов.

В параграфе 3.1. **«Идейные предпосылки и жанровые характеристики автобиографии нового типа»** поднимается вопрос о правомерности «чисто эпической» трактовки трилогии, согласно которой художественная оригинальность трилогии заключается в искусстве Горького поведать о своей жизни – устранив себя при этом из текста и как повествователя, и как героя.

В параграфе 3.2. **«Эпическое» и «лирическое» как жанрообразующие формы автобиографического повествования Горького»** представлены аргументы, позволяющие утверждать, что Пешков – это главный объект художественной мысли Горького-автобиографа и что в его трилогии эпическое начало отнюдь не растворяет в себе лирическую «струю». Горький осуществляет принцип «художественной самообъективации» во всех трех частях трилогии.

В параграфе 3.3. **«Детство». Исследование противоречий сознания как ядра жанровой автобиографической конструкции»** содержание и художественный строй повести «Детство» анализируются с точки зрения борьбы двух противоречивых начал внутренней жизни – стихийно-чувственного и сознательного. В отличие от Толстого Горький делает акцент не на светлой, а на «правдиво-горестной» стороне своего детства. Однако уже с первых глав писатель отбирает и художественно оттеняет все то, что будет выступать как начало *отрицающее* по отношению к стихии «невыразимо странной жизни». В связи с такой руководящей идеей Горький выказывает повышенный интерес к процессам становления сознания героя. И не просто к процессам становления, но к *диалектике* этого духовного феномена. С самого начала повести «Детство» он входит в истоки человеческого «Я», *детально* раскрывая, *как и при каких обстоятельствах* в сердце маленького Алеши проникают жалость к людям, стремление их защитить – самые коренные свойства натуры этого персонажа. Наряду с этим Горький с первых эпизодов трилогии уделяет исключительное внимание *интеллектуальной* стороне этого процесса, имеется в виду становление человеческого «Я». Будучи несомненным апологетом разума, писатель с особым тщанием фиксирует малейшие сдвиги, происходящие в интеллекте маленького героя. Отобразив духовные контакты Алеши с различными людьми, Горький оттеняет не только нравственно-этический аспект, в первую очередь занимавший Толстого, но и – особенно пристрастно – план интеллектуальный. При этом интроспекция Горького

отличается от толстовской. Если Толстой в первую очередь рисует мир внутреннего «Я», то Горький расширяет параметры изображения. Горькому-автобиографу было крайне важно и показать становление человеческого «Я», и дать «срез» русской жизни в определенную эпоху. Поэтому он строит свою «исповедь» как *фиксацию* всего виденного и слышанного Алешей Пешковым. В результате такого художественного приема горьковский «рассказ о себе» приобретает необычайно широкий – эпический характер. В целом эпоха детства раскрывается у Горького как фаза торжества стихийно-чувственного начала. Познающая мысль Алеши еще не проснулась, но главные ее предпосылки (любопытство, жажда нового, «болезненный» интерес к человеку) обнаруживают себя вполне. На протяжении всего «нарратива о себе» Горький прослеживает связь добра и мысли. По мере укрепления сознательного начала и «понимания» в Алеше укрепляется нетерпимое отношение к несправедливости и злу. На этой почве герой все чаще и чаще обнаруживает элементы несогласия со «всепрощающей» философией бабушки.

В параграфе 3.4. «В людях». Фаза диалектического отрицания детства раскрывается содержание и значение новой стадии *пробуждения сознания*. Здесь на передний план выдвигается опять-таки «диалектика души» или «диалектика растущего сознания». Эпоха, представленная в повести, являет собой период ломки, пересмотра тех «добрых воззрений», которые Алеша усвоил ранее. На пароходе «Добром» подростка посещает «всплеск сознания», подобный тому, что испытал и пережил Иртеньев в начале своего отрочества. Проснувшаяся мысль ведет героя к конфликту с миром. Чем больше Пешков «обсуживает», чем пытливей вглядывается он в «спутников жизни», тем сильнее и резче его неудовлетворенность миром и укладом бытия, который царит вокруг. В воображении встают «проклятые» вопросы, но ответы на них подросток не находит ни у любимой бабушки, ни у кочегара Шумова, ни у «многоумного» Осипа. Во время работы в иконописной мастерской, а затем и в бригаде плотников мы видим автогероя в попытках приложить открывшиеся ему прекрасные истины к практической жизни – чтение книг в иконописной мастерской, устройство театра и т. д. Однако вскоре наступает отрезвление, и юный правдоискатель убеждается в полной тщетности своих попыток как-то «гуманизировать» жизнь богомазов. Примерно по такому же сценарию развиваются отношения Алексея и с плотницкой артелью. Горький-автобиограф не случайно акцентирует эту драму правдоискательства, ибо его «исповедь» – это не просто воспоминания писателя о прошлом, но и попытка пробудить в своих читателях «священный гнев» и жажду преобразования мира. Чем взрослее герой повести, тем очевиднее выступает он как носитель нового мировоззрения – идеологии протеста и решительных перемен. Вся вторая часть цикла – это развернутое изображение того, как в лоне народного сознания (бабушка, дед, Григорий, плотник Осип и многие др.) зарождается *новый тип сознания*, ориентированный на творческое преобразование общества. В сознании Пешкова осуществляется пересмотр «сердечного, жалостливого гуманизма» в пользу новой идеологии и новой философии бытия.

Параграф 3.5. «Повесть «Мои университеты». Эпоха отрицания отрицания. Рождение Героя» подчинен раскрытию тезиса о «диалектике сознания» как жанровой основе *«Моих университетов»*. Эпический и лирический аспекты повести синтезированы духом аналитики: «рассказ о себе» соединяется с

поисками тех сил, которые в состоянии «спасти Русь». Здесь эпический пласт предстает по преимуществу в интенциях идеологии. Каждый новый персонаж обрисован Горьким как носитель той или иной мировоззренческой парадигмы. Казанские «вероучители» помогают преодолеть засилье темного, инстинктивного начала, которое живет в душе героя и грозит опрокинуть его в бездну хаоса и бессмыслицы. Позже – в результате провала студенческой стачки, вследствие собственной пропагандистской неудачи и особенно после «идеологических атак» учителя Жоржа, будочника Никифорыча, толстовца Клопского – темное начало в мироощущении Пешкова начинает побеждать. Пешков ощущает «усталость души, едкую плесень в сердце» и совершает попытку самоубийства. Далее наступает новая фаза в борении стихийного и разумного – переезд в Красновидово, общение с Ромасем, дружба с крестьянами села. Наступает духовное возрождение героя. Опустевшее было сердце снова наполняется любовью к миру. Если оценить духовную эволюцию героя трилогии в целом, то в ней можно констатировать существенные сдвиги. В конце повести «В людях» Пешков пребывал в состоянии «идейного разброда». Самый слой гуманных чувствований в его сознании был потеснен и поколеблен. В красновидовской части «Моих университетов» герой возвращается к стихии любви и сострадания, владевших его сердцем в детстве. Доброе начало начинает возвращать свои позиции. Однако теперь это уже не просто «сердечный», или «интуитивный» гуманизм. Теперь доброта горьковского героя опирается на знания. Алексей проникается уверенностью в том, что русский народ пусть медленно, но верно продвигается по пути освобождения от всего «звериного» и уродливого. И ключевой эпизод с рулевым может быть истолкован как подтверждение исторической правоты Горького, поскольку он «...в финале приходит к выводу, который с оговорками можно распространить на всю концепцию повести: «Зверь мужик, а – добрый»⁶⁸.

В заключительной книге трилогии Горький снова погружает читателя в пространство «растущего сознания». В «Моих университетах» он воспроизводит не что иное, как фазу отрицания отрицания. Здесь представлена стадия пересмотра духовно-морального опыта, накопленного ранее. Логика художественного решения Горьким проблемы «диалектики сознания» состоит в том, что путь духовного, идейного, этического развития героя трилогии осуществляется по спирали. В последней части трилогии мы видим своеобразное «возвращение к себе» – но уже на новой основе. «Сердечный гуманизм» и «жалость», воспринятая от бабушки Акулины, трансформируются в «разумный», а затем и в революционно-действенный гуманизм, что соответствует общей идейно-философской парадигме трилогии М. Горького.

В параграфе 3.6. «Новаторство М. Горького-автобиографа» обосновывается концепция «многоуровневого» эстетического открытия писателя. Трилогия Горького – яркий образец художественной автобиографии, поскольку принцип «самообъективации» доминирует в ней во всех частях трилогии и выступает как главный жанрообразующий принцип. Мысль о процессе духовного и морального развития ребенка, подростка, юноши обнимает и «проникает» собой всю трилогию. Причем Горький так же, как и Толстой, не просто выносит историю

---

⁶⁸Примочкина Н. Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов: 2-е изд., доп. — Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 302 с. С. 33.

своей души на суд читателя. Он раскрывает диалектику этого сложного процесса и входит в описание борьбы внутренних противоречий сознания. Структурную или жанровую модель горьковской автобиографии определяет скрупулезное рассмотрение трех ступеней эволюции духа маленького человека. Детство в понимании Горького – это эпоха накопления «стихийной доброты» Алеши, данной ему от природы и возросшей благодаря влиянию бабушки. Отрочество выступает в интенциях отрицания и критического пересмотра заповедей народной морали. Юность есть фаза отрицания отрицания и диалектического возврата к философии добра на основе разумного миропонимания. Тщательно, шаг за шагом Горький высвечивает этапы роста сознания Алеши. Писатель анализирует влияние окружающих не только на мораль автогероя, но и на его растущую мысль. То есть воссоздание «диалектики сознания» становится у Горького *главным средством обрисовки характера* автобиографического героя. Мы видим, как в постоянном и непрерывном борении стихийного и разумного крепнет познающая мысль героя, формируется его способность проникать в суть вещей и в глубины собственного «Я». Наряду с этим Горький кардинально преобразует жанровую модель Толстого-автобиографа. Он беспрецедентно «эпизирует» свое жизнеописание. Исповедальное начало в трилогии существенно корректируется и дополняется эпической картиной мира, его самых разных пространственно-временных образов, изложением идеологической составляющей мировоззрения целого ряда персонажей, введенных в повествование. Сама идея радикальных перемен в общественном строе потребовала от Горького создания такой структуры, которая могла бы вместить в себя панорамную картину народного бытия. Созданный автором герой-«медиум» позволил писателю уйти от стандартов «чисто аукториального» нарратива и переосмыслить сложившийся литературный канон автоповествования. Появление «проходящего» меняет характер «взаимодействия» читателя и повествователя. Читатель начинает видеть мир таким, *каким он открывается живому и непосредственному восприятию свободного «наблюдателя»*. Герой автобиографии Пешков выступает в двойной роли. Он выполняет функцию повествователя, т. е. свидетеля происходящего, являясь в то же время полноценным объектом художественного исследования творца текста. Создание такой структуры является несомненным открытием Горького-художника. Во всех трех частях произведения автор группирует события и образы в соответствии с двумя эстетическими центрами. Первый непосредственно связан с широким и панорамным воссозданием образа народной жизни. А другой эстетический центр – это история духовного роста автобиографического героя. Эти центры обозначены автором двумя типами повествования – эпическим и лирическим, которые в тексте взаимно дополняют друг друга. Читатель постоянно видит и слышит то, что видит и слышит автобиографический герой, внимание которого развернуто вовне. Эффект двойного присутствия героя и есть *специфическое горьковское открытие*. «Эпизация» автобиографического повествования осуществляется путем моделирования реакций лирического «Я» на окружающий внешний мир. Таким образом, М. Горький создает новый тип художественной автобиографии, в которой «рассказ о себе» подчинен выражению социальной идеи о преобразовании действительности. Обращение к аспекту сознания становится у Горького *важнейшим средством создания образа* не только

автобиографического героя, но и других персонажей трилогии, роль которых в повествовании не сводима к функции фона для портрета главного героя. Они предстают перед читателем не только как спутники жизни Алеши Пешкова, но и как носители определенной морально-нравственной или общественно-политической идеи.

Глава четвертая «Сравнительный анализ жанровых и интроспективных установок Л.Н. Толстого и М. Горького» посвящена характеристике типологических сходжений и различий в трактовке «диалектики души» в творчестве рассматриваемых авторов. В ней дается обобщение наблюдений и выводов диссертанта относительно авторских установок двух художников, обусловивших исповедальный характер их творений.

В параграфе 4.1. «О принципах структурной общности и творческой взаимосвязи двух трилогий» раскрывается тезис о художественной общности двух жизнеописаний. В плане идейно-концептуальном Горький строит свою автобиографию как своего рода симметрию по отношению к толстовскому жизнеописанию. Поэтизации детства, толстовскому «свету и счастью» он противопоставляет картины «мрака и семейной разложенности». Однако в эстетическом плане две трилогии объединяет художественное родство, которое проявляется в повышенном внимании к внутренней жизни человека, в самих способах создания характера.

Параграф 4.2. «В усвоении толстовского опыта Горьким: от «диалектики души» к «диалектике сознания» содержит анализ жанрового своеобразия двух жизнеописаний. Типологически общим для обоих произведений является соблюдение основных параметров жанровых границ художественной автобиографии. И у Толстого, и у Горького центральным объектом изображения является личность создателя текста. Оба писателя апеллируют к своей личной биографии, то есть актуализируют формы художественной «самообъективации» (М. Бахтин). В «Детстве», «Отрочестве» Толстой в центр произведения поместил свой «сердечный сокровенный опыт», что и позволило ему донести до реципиента «поэзию и прелесть детства». М. Горький «эпизировал» свой рассказ о себе не за счет отказа от эстетики и канонов автобиографизма. Создатели обеих трилогий представили историю «собственной души» и дали осмысление духовных интенций авторского «Я». И Толстой, и Горький творчески развили и новаторски модифицировали те традиционные автобиографические формы, которые оставили им в наследие их литературные предшественники. Осознание Толстым-художником специфики автобиографического повествования привело его к необходимости обратиться к процессам «диалектики души». Автобиографизм Горького несколько иного рода, поскольку его «диалектика сознания» включает в себя и самоанализ, и емкие характеристики существенных для писателя аспектов народной жизни. При этом оба художника положительно оценивают нравственный потенциал растущей мысли. Если Горький выступает как апологет разума, то и Толстой демонстрирует вполне позитивное отношение к интеллекту, настаивая на различении «философствований» и «ясного рассудка». Поэтическая общность двух жизнеописаний обнаруживается в том, что и Толстой, и Горький, осмысляя события и факты своей жизни, прибегают к углубленному показу внутреннего «Я». Оба художника воссоздают самый механизм этапов духовного роста героя, делая акцент

на его морально-интеллектуальной эволюции. То есть оба художника необычайно искусно воссоздают не только то, как и что чувствуют их автобиографические герои, но и то, как они думают. Вместе с тем горьковская психологическая интроспекция совсем не идентична толстовской. Горький идет своим собственным путем и утверждает новые формы художественного мировидения⁶⁹.

Параграф 4.3. «Жанрообразующие элементы в трилогиях Толстого и Горького» содержит обоснование значимости для Толстого-автобиографа так называемой «поэтической идеи». Чтобы выразить комплекс своих фундаментальных идей, Л. Толстой сосредоточивается на вопросах морали и, в частности, на вопросах нравственного самоосуществления личности. Однако эту этическую установку Толстой реализует посредством «поэтизации жизни». Что касается нравственно-этического пласта трилогии, то он изучен в науке, что называется, с исчерпывающей полнотой (труды таких ученых как Б.М. Эйхенбаум, П.С. Попов, Н.Н. Гусев, В.Д. Берестов, Е.Н. Купреянова, Я.С. Билинkis, В.С. Пушкирева, Л.С. Дробат, Т.С. Карлова, К.Н. Ломунов, Б.И. Бурсов, Г.Н. Ищук, А.И. Поповкин, А.В. Чичерин, Г.В. Токарев, К.Г. Райх). А вот «поэтический» аспект трилогии в литературоведении о Толстом практически не освещен. В критике мы находим лишь отдельные наблюдения и замечания на эту тему, никак не связанные с концептуальной трактовкой формы всего произведения. А между тем этическое и «поэтическое» – это две стороны единого художественного целого. «Диалектику души» Толстой соединяет, «сращивает» с «поэтизацией бытия». В мощном поле синтеза этического и «поэтического» детство выступает у писателя как эпоха полного и безраздельного торжества добра и света: ребенок счастлив, потому что добр. В отрочестве добрая сущность характера заволакивается чувствами и устремлениями, имеющими эгоистическую направленность, и подросток начинает страдать. Юность представлена как эпоха восстановления исконного добра, вызревания добродетельных планов саморазвития и – возврата счастья. На протяжении всего «рассказа о себе» внутреннее (счастливое или горестное) состояние Иртеньева «сопрягается» с тем, добро или зло царит в его душе. Отсюда вывод – своеобразие формы толстовской исповеди не сводимо лишь к показу «диалектики души». Толстой вводит в литературу новый тип художественной автобиографии – «поэтическую» автобиографию, то есть авторассказ, в структуре которого исключительную роль играет «поэтическая идея».

Используя схожие способы изображения человека, Толстой и Горький тем не менее исходят из разных интроспективных установок, решают разные эстетические задачи. Толстого занимает проблема онтологических корней добра и зла, поэтому он в переживаниях Иртеньева акцентирует моменты, которые «обязательны» для всякого человека и которые объединяют его с другими людьми. А вот горьковский герой растет и формируется не как рядовая, но как особая личность. Сама историческая эпоха потребовала от русского человека сделать нравственный выбор. Поэтому горьковский персонаж не случайно вышел на путь героической борьбы и сделался защитником обездоленных. Пешков с юных лет формируется как правдоискатель. В его образе писатель воплощает свои представления о том, кто способен принять на себя ответственность за судьбы соплеменников. Духовные

---

⁶⁹Спиридонова Л.А. Горьковедение на современном этапе // Научная жизнь. 2016. Т. 1. № 3-4. С. 420-433. С. 431.

искания Пешкова предопределены его страстной мечтой увидеть новую, преображенную Русь. Главнейшим качеством человека новой формации Горький считает разум. Поэтому, прослеживая историю Пешкова, он интонирует моменты его сознательного самоопределения.

Параграф 4.4. «О структурной общности и специфике литературной интроспекции Л. Толстого и М. Горького» содержит сравнение двух жизнеописаний в ракурсе интроспекции. Две трилогии разрабатывают единую модель «автобиографирования», основанную на показе «диалектики души». Но Горький модернизирует толстовскую «диалектику души» и подчиняет ее законам своей интроспекции. Он делает свою «исповедь» способом постижения души и при этом выявляет перспективы обновления общественной жизни России. Характеристической чертой горьковского жизнеописания становится беспрецедентно широкий охват русской действительности. Горький показывает судьбу правдоискателя. И суть духовной эволюции Пешкова заключается в том, что он из доброго, «интуитивно сердечного» мальчика превращается в «разумного гуманиста», то есть в человека, чья доброта «оплодотворена» разумом и стремлением «переиначить» существующий порядок вещей. Таким образом, толстовской поэтизации детства и жизни Горький противопоставляет «поэзию» борьбы со «свинцовыми мерзостями бытия». Специфика раскрытия «диалектики сознания» проявляется и в самой направленности духовных исканий автобиографического героя. Толстой занят по преимуществу исследованием мысли этической. Залог толстовской «диалектики души» – гармоничное сочетание сфер «чувствования» и «понимания», пафос неустанной борьбы человека с собственными страстями. В трилогии Толстого «ясный рассудок» и «разумный самоконтроль» дополняют друг друга и способствуют внутреннему самоусовершенствованию индивидуума. Горького в большей степени волнует мысль социальная или революционная. Его герой ищет разумные основания бытия. Воплощению таких представлений о гармонии жизни служит особая жанровая структура, особая субъектно-повествовательная организация текста. Горький-автобиограф уходит от канонов «чисто аукториального» повествования. Он использует структуру, которая дает создателю текста возможность панорамного освещения действительности. Использование такой субъектной организации текста, при которой «наблюдающий герой» движется по жизни, а автор последовательно фиксирует поток его впечатлений, существенно меняет характер традиционного авторского «рассказа о себе». В горьковской трилогии взаимодействуют два эстетических центра. Первый – тот, что стал для Горького объектом его идеологических обобщений. А второй – это собственно анализ автобиографического «Я». Совмещение двух планов повествования и двух ракурсов художественного анализа – оригинальная и характерная особенность формы горьковского автобиографического письма. Двойная задача – рассказать и о себе, и о России – решается особым построением образа автогероя. «Я»-сознание Алеши одновременно и объект анализа, и своеобразный «медиум» – посредник между автором и читателем. Таким образом, исследование механизма зарождения, развития чувств и мыслей маленького человека – это то, что роднит, объединяет две автобиографии. Но, опираясь на достижения и традиции Толстого, Горький создает иной, нежели у Толстого, тип художественной автобиографии. Содержание его

исповеди подчинено тому, чтобы убедить читателя в необходимости включиться в активную борьбу за новую Россию. Благодаря своеобразной повествовательной структуре Горький создает новую форму поэтического осмысления жизни и тем самым кардинально обновляет автобиографическую традицию.

В Заключении подведены итоги диссертационного исследования. Метод последовательного сопоставления двух автобиографий дает возможность существенно углубить наши представления об идейно-поэтическом и жанровом своеобразии двух трилогий и оценить вклад Л.Н. Толстого и М. Горького в становление форм автобиографического освоения действительности.

1. Интроспективный подход к анализу текста может и должен составить своего рода «базу» для осмысления модели бытия, представленной в автобиографическом тексте, ибо он строится на совмещении реальности, имевшей место в действительности, и реальности, «поэтически пересозданной» автором. Если создателем первой является жизнь, то творцом второй выступает «ауктор». Для определения типа автобиографического дискурса и отделения его от сочинений «автофикциональной направленности» важно учитывать характер «самообъективации» (М.М. Бахтин).

2. Художественная автобиография – это повествование с устойчивой ретроспективной установкой, жанр, в котором автор и повествователь принципиально совпадают. При этом автор-художник выступает как реальное лицо и в своем жизнеописании претендует на достоверность в воссоздании событий прошлого. Содержание художественной автобиографии коррелируется с интенциями интроспективного плана, поскольку создатель текста входит в показ и исследование процессов собственного сознания. При всей значимости событийного ряда и канвы внешних обстоятельств в фокусе внимания автобиографа находятся процессы духовного, сознательного восхождения или эволюции личности создателя текста. Доминантой жанра автобиографии следует признать сосредоточенность автора на истории своей души, на характере ее контактов с внешним миром. Иначе говоря, главный объект художника-автобиографа – это история его души, «взятая в ракурсе» чувственного и мировоззренческого самоопределения, что и служит основой литературной интроспекции. Процессы формирующегося индивидуального сознания – вот главный и несомненный центр эстетического внимания писателя-автобиографа.

3. При анализе становления автобиографической словесности, как в западноевропейской, так и в русской ее ветвях, автор выявил, что в произведениях мемуарно-автобиографической направленности выделяются два основных подхода в освещении «истории души». Начала «психологического» автобиографизма восходят к творчеству Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо. Эти писатели в центр поэтической вселенной ставили фигуру создателя текста и были сосредоточены на воссоздании своих личных чувств и переживаний. Этот вид художественного самопознания предполагал обрисовку образа героя, в той или иной мере приближенного к личности автора, в условиях достаточно узкого круга лиц и с акцентом на анализе его глубоко сокрытых переживаний. Второй вид художественной автобиографии диссертант условно обозначил как «историко-событийный». Этот тип автобиографического осмысления мира был ориентирован на изображение широко понимаемого общественного фона. При таком подходе художник интонировал не

детализацию чувств, не погружение в тайны человеческого «Я», а показ героя в гуще общественных событий, обнаружение его социального статуса и многообразия его связей с эпохой, порождением которой он являлся. Этот тип автобиографизма воплотили в своих жизнеописаниях И. Гете, А. Герцен и др. Таким образом, диссертант впервые предложил классификацию автобиографических произведений на основе ориентации на разные виды психологизма и, опираясь на анализ становления мировой автобиографической словесности, заявил о двух главных модификациях автобиографического освоения мира и человека. В соответствии с этим Л.Н. Толстой развивает и углубляет линию *психологического автобиографизма*. Линию *историко-общественного психологизма* продолжает и выводит на новый уровень художественного осмысления М. Горький.

4. Итак, Л.Н. Толстой, стремясь показать изменчивость человеческой природы и акцентируя способность человека к непрерывному саморазвитию, ведет свои художественные поиски в направлении *психологического автобиографизма*. При этом он совершает открытие в сфере психологической интроспекции и создает автобиографию **нового – диалектического типа**. Толстой не просто моделирует «текучесть характера» и смену различных эмоциональных состояний, мимолетных ощущений, что было доступно таким художникам психологической ориентации, как Ж.-Ж. Руссо, Н.М. Карамзин или М.Ю. Лермонтов. Он показывает читателю непрерывный процесс *саморазвития* личности через *борьбу внутренних противоречий*. Писатель планомерно и подробно высвечивает динамику духовного возвышения Иртеньева и воспроизводит *три стадии единого процесса, причем в их диалектическом отрицании одна другой*. Одна фаза развития – в силу накопления отдельных качеств и элементов – превращается в другую фазу, которая отрицает предыдущую и сама становится материалом отрицания для фазы, идущей ей вослед. Основу построения трилогии составили три ступени духовного созревания Иртеньева. Детство в трилогии Толстого – это ступень «утверждения» или «набора» (концентрации) качеств характера доброй направленности. Отрочество – ступень отрицания детства, эпоха пробуждения разума, плотских инстинктов и активизации злого, эгоистического начала. А юность представлена как ступень отрицания отрицания, или как эпоха возвращения к детству, к торжеству добра на основе разумного самоопределения и нравственного самоусовершенствования личности. Следует подчеркнуть, что Толстой ввел в словесное искусство так называемый углубленный психологизм. Он в рамках жанра автобиографической трилогии открыл и утвердил формы **«диалектического психологизма»**. Автор «Детства», «Отрочества», «Юности» разработал и воплотил *диалектический тип художественной автобиографии*. Главная антиномия человеческого характера, по убеждению Толстого, – это борьба эгоизма и любви к людям.

5. Интроспективные установки Л.Н. Толстого имеют двуединую природу. Наряду с идеями нравственно-философского порядка они включают в себя и другие категориальные основания. Одновременно с этическим пластом в жизнеописании Толстого явственно заявляет о себе идея **«поэтическая»**. Она потребовала от Толстого «уловления поэзии жизни», показа исключительной атмосферы «гармонии и тепла». Эта художественная задача была решена Толстым в рамках детального, стадийного анализа истории собственного нравственного роста. Внимание Толстого направляется внутрь развивающейся души человеческой, на

борьбу начала доброго и противостоящего ему начала эгоистического. Но это только один аспект структуры толстовской трилогии. Наряду с этическим пафосом в жизнеописании Толстого обнаруживает себя идея «поэтическая». Эта «поэтическая идея» трилогии корнями своими уходит в органическую убежденность писателя в несомненной ценности и красоте жизни как таковой, в необходимости любить жизнь и ценить каждый миг бытия. Рассказывая о себе, Толстой ставит цель – «заразить» читателя духом своего – «любовного» – миропонимания. Толстовский «рассказ о себе» проникнут «поэзией жизни» и сознанием ценности бытия. Таким образом, в толстовской трилогии этическая идея и идея «поэтическая» соединяются, сливаются, переходят одна в другую и образуют своеобразный «синтез» или двуединство. Это есть наиглавнейшая, характерная черта толстовской интроспекции. Стремление Толстого раскрыть двуединую сущность этической и «поэтической» сторон «диалектики души» предопределяет параметры его новой жанровой модификации художественной автобиографии, имеющей всеобщее или общечеловеческое значение.

6. Проведенный анализ толстовской трилогии позволяет утверждать, что термин Н.Г. Чернышевского «диалектика души» можно и следует трактовать в более широком смысле. Поскольку Л. Толстой в своей автобиографии мастерски воссоздает не только сферу чувств, смену настроений, но и эволюцию мысли автогероя, то более правомерным и точным применительно к толстовскому методу будет говорить не о «диалектике души», а о «диалектике сознания».

7. В ходе конкретно-текстуального анализа трилогий и сравнения двух поэтических систем обнаружена несомненная художественная связь двух жизнеописаний. Вопреки устоявшемуся мнению о разности и даже полярности эстетических систем Л.Н. Толстого и М. Горького – автор доказывает, что в глубине их психологической интроспекции имеется некое существенное родство. Свою автобиографию Горький строит как «художественную симметрию», автобиографии толстовской, как некий «ответ» Толстому. Он, как и Толстой, воспроизводит три эпохи в становлении личности. Детство, отрочество и юность выступают в горьковской трилогии как фазы, диалектически отрицающие и сменяющие друг друга. Анализ лепки (конструирования) образа автобиографического героя, как и всей художественной системы, указывает на несомненную общность горьковского и толстовского психологизма и дает основания говорить о развитии Горьким принципов толстовской эстетики.

8. Писатели-автобиографы (С.Т. Аксаков, А.И. Герцен, Н.М. Гарин-Михайловский, В.Г. Короленко и другие) фактически не входили в пространство «диалектики душевной жизни». Горький же тщательно исследовал этапы формирования сознания и тем самым представил читателю этапы «диалектики сознания» Пешкова. Таким образом, М. Горький, как и Л.Н. Толстой, показывает себя мастером изображения «диалектики души» человеческой. На основании этого мы вправе говорить о толстовской традиции в творчестве Горького-автобиографа, ибо самая форма «рассказа о себе» указывает на общность художественных подходов к раскрытию характера героя. И в трилогии Л. Толстого, и в трилогии М. Горького перед нами предстает не просто эволюция личности, но подробно, шаг за шагом, высвечивается диалектика этого сложнейшего процесса.

9. Наряду с вышесказанным Горький-автобиограф отвергает этическую доктрину Толстого и не разделяет его убеждений. Он верит не в теорию самоусовершенствования, а в творческую энергию человека, преобразующего мир. В соответствии с таким воззрением писатель судьбу своего персонажа соединяет с судьбой России и истории своей жизни придает обобщенно-социальное значение. «Диалектика души», выступающая у Горького как ведущий *жанрообразующий принцип автоповествования*, служит для него и способом художественной самоактуализации, и средством пробуждения социальной активности масс.

10. В соответствии с такой интроспективной установкой Горький презентует «рассказ о себе» как отражение трех эпох, диалектически сменяющих друг друга. Детство Пешкова – это фаза торжества инстинктивно-стихийного начала. Отрочество трактуется писателем как эпоха, отрицающая детство. В связи с пробуждением сознания доброе, принимающее начало обретает более сложные формы, связанные с критическим переосмыслением народного характера. Юность в обрисовке Горького – пора преодоления душевного кризиса и диалектического возврата к духовно-этическим ценностям детства на основе нового (радикально-революционного) миропонимания.

11. Горьковский способ воссоздания мира и человека не дублирует, не повторяет толстовскую «диалектику души». Правильнее будет говорить о том, что в горьковской автобиографии плодотворное развитие получают те принципы эстетического мышления, которые заложил создатель «Детства», «Отрочества» и «Юности». Диалектика сознания автобиографического героя в обоих жизнеописаниях подчинена раскрытию разных интроспективных установок. Обращаясь к анализу взросления Иртеньева, Толстой указывает читателю пути к гармонии личностного существования. Двигаясь по этапам «мужания» мысли Алеши, Горький представляет миру свой рецепт «спасения святой Руси». Если Л. Толстой концентрируется на воссоздании истории личности как таковой, то Горький в своем жизнеописании воспроизводит эволюцию своего героя в широком социально-историческом контексте.

12. Эстетическую новизну автобиографии М. Горького диссертант видит в особой поэтической конструкции. Горький-автобиограф вводит в практику жизнеописания принцип так называемого «эстетического двоецентриа». В ходе рассмотрения автобиографических повестей Горького автор установил факт «отхода» Горького от форм традиционной «самообъективации». В своей «исповеди» Горький порывает с канонами аукториального повествования и создает художественную модель, позволяющую ему отобразить поток разнообразных жизненных явлений социального плана. Диссертант указывает на наличие в повествовательной ткани не одного – ведущего и организующего – центра или ядра повествования (как, скажем, у Толстого), а двух эстетических центров. Главная роль в автобиографии горьковского типа отведена фигуре героя-повествователя и анализу его духовных исканий. Однако при этом Пешков выступает в трилогии и как герой-«медиум», и как активно презентующий себя герой. Благодаря вышеозначенной субъектной организации текста горьковское жизнеописание приобретает статус «автобиографии-обобщения», становится произведением исключительно емким и максимально широким по степени охвата и осмысления действительности.

13. Горький развивает также традиции толстовской генерализации письма. Авторский комментарий позволяет ему точнее, объемнее выразить свою – критическую, обличительную позицию. Если генерализация Толстого явственно обнаруживает свою философско-этическую подкладку, то горьковская генерализация является способом выражения смелых социальных обобщений, составляющих пафосный строй «Детства», «В людях», «Моих университетов».

14. Горький-автобиограф выступает с концепцией героической личности. Не порывая корней с народной почвой, горьковский герой складывается не как «средний», «обыкновенный» человек, но как особенный типаж. В нем и в его литературных предшественниках Горький воплотил свои представления о сильной личности, способной взять на себя ответственность за судьбы других людей. Уже с детства Пешков растет как правдоискатель, как защитник обездоленных и униженных. В юности забота о мире и желание изменить русскую жизнь к лучшему становится осознанным призванием автогероя.

15. Несмотря на значительную общность творческих подходов в описании характера человека, оба писателя по-разному интерпретируют концепцию разума. Положительно оценивая возможности аналитического мышления, Толстой делает акцент на поэтизации жизни и канонов добродетели. Горьковскую автобиографию отличает ярко выраженная поэтизация разума. Горький прогресс общества увязывает с ростом сознания простого русского человека, а благо личности – с борьбой за общественные идеалы. А успешность этой борьбы предопределена у него не только социальной активностью, но и степенью *интеллектуальности* или «просвещенности» тех, кто ее ведет. Если Толстой занят исследованием мысли этической, то Горького вдохновляет мысль социальная или революционная. Для Горького-автобиографа красив и ценен не просто разум, но разум творческий или социально-преобразующий. Носителем именно такого типа разума и выступает главный герой трилогии. Основу повествования горьковской автобиографии составляет рассказ о том, как сердечная доброта, унаследованная от природы и развитая бабушкой, – путем диалектического отрицания – обретает новое качество и становится гуманностью разумной, способной к активному преобразованию мира. С рождением нового сознания рождается и новый горьковский Герой. Таким образом, в трилогии Горького дана не только критическая интерпретация мира, но и картина рождения нового сознания.

16. Толстовская психологическая интроспекция является способом воплощения его этической доктрины. Горький – в отличие от своего предшественника – разрабатывает принципы «самообъективации», увязанной с общественно-политическими интенциями. Опираясь на толстовский опыт, М. Горький преобразует жанр художественной автобиографии. На основе «диалектики сознания» он создает автобиографическую трилогию нового типа. В противовес «этической автобиографии» Л.Н. Толстого, в которой синтез этического и «поэтического» служил выявлению возможностей личностного саморазвития, Горький создает автобиографию героико-революционного типа, призванную убедить читателя в необходимости радикального обновления русского мира.

Список публикаций по теме диссертации

Статьи в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК РФ:

1. Цирулев А.Ф. Проблема автобиографизма в трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» // Вестник Нижегородского университета, 2010. – № 2 (1). – С. 269-273.
2. Цирулев А.Ф. Концепция разума в трилогиях Л. Толстого и М. Горького // Вестник Нижегородского университета, 2010. – № 3 (1). – С. 324-327.
3. Цирулев А.Ф. О жанровой специфике трилогий Л. Толстого и М. Горького // Вестник Ленинградского государственного университета, 2011. – № 1. – Т. 1. – С. 237-238.
4. Цирулев А.Ф. Проблема автобиографизма в трилогии Л.Н. Толстого // Вестник Нижегородского университета, 2011. – № 3 (1). – С. 331-336.
5. Цирулев А.Ф. «Поэтическая идея» в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вестник Ленинградского государственного университета, 2011. – № 3. – Т. 1. – С. 27-31.
6. Цирулев А.Ф. Субъектно-повествовательная организация текста в трилогиях Л. Толстого и М. Горького // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 7. – Ч. 2. – С. 194-196.
7. Цирулев А.Ф. Проблема «генерализации» в трилогиях Л. Толстого и М. Горького // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 8. – Ч. 1. – С. 188-190.
8. Цирулев А.Ф. Корни толстовской «диалектики души» в русской автобиографической традиции (XI-XIII вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 8. – Ч. 2. – С. 198-200.
9. Цирулев А.Ф. Художественная специфика пушкинского автобиографизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 9. – Ч. 1. – С. 177-179.
10. Цирулев А.Ф. О принципах автобиографизма в «Былом и думах» А.И. Герцена // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. – № 9. – Ч. 2. – С. 208-210.
11. Цирулев А.Ф. «История моего современника» В.Г. Короленко как этап развития русской художественной автобиографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 3. – Ч. 3. – С. 189-191.
12. Цирулев А.Ф. О своеобразии «исторического» автобиографизма А.И. Герцена и принципах толстовского автобиографизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 3. – Ч. 3. – С. 192-194.
13. Цирулев А.Ф. О новаторстве автобиографического жанра в трилогии Л.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 4. – Ч. 1. – С. 206-208.
14. Цирулев А.Ф. О принципах сюжетообразования в автобиографических циклах С.Т. Аксакова и Л.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 4. – Ч. 2. – С. 215-217.
15. Цирулев А.Ф. О жанровой специфике автобиографического цикла Н.Г. Гарина-Михайловского // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – № 4. – Ч. 1. – С. 203-205.

16. Цирулев А.Ф. Симбиоз «поэтического» и этического начал в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 1324-1329.
17. Цирулев А.Ф., Варпаева Ю.Н. Сопоставление применения Л.Н. Толстым и М. Горьким композиционных принципов художественного воссоздания истории личности // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 5. – С. 484-489.
18. Цирулев А.Ф. Диалектические принципы композиции в повести М. Горького «Детство» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 5. – С. 1324-1329.
19. Цирулев А.Ф. О принципах психологического письма в трилогиях Л.Н. Толстого и М. Горького // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 8. – С. 244-250.
20. Цирулев А.Ф. Онтологическая природа психологического письма Л. Стерна и Л. Толстого // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 8. – С. 285-292.

Статьи в других научных изданиях, материалы научных конференций:

21. Цирулев А.Ф. Автобиографическая трилогия М. Горького как художественный феномен // М. Горький и вопросы художественного мастерства. – Горький: Изд-во Горьковского госуниверситета, 1986. – С. 56-66.
22. Цирулев А.Ф. М. Горький – литературный критик. (1910-1915) // Проблемы писательской критики. – Душанбе: Изд-во Таджикского университета, 1987. – С. 40-46.
23. Цирулев А.Ф. Традиции В.Г. Белинского в критической деятельности М. Горького. (1895-1916) // Писатели-критики. – Душанбе: Изд-во «Дониш», 1987. – С. 124-127.
24. Цирулев А.Ф. У истоков художественной концепции М. Горького. Рассказ «Макар Чудра» // Горьковские чтения, 1988. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1988. – С. 66-75.
25. Цирулев А.Ф. О поэтике повести М. Горького «Фома Гордеев» // Межвузовский сборник. (Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского). – Горький: Изд-во Горьковского госуниверситета, 1988. – С. 65-74.
26. Цирулев А.Ф. Диалектика революционного мышления в рассказе М. Горького «Ледоход» // Горьковские чтения. 1990. – Ч. 1. – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – С. 50-55.
27. Цирулев А.Ф. Протопоп Аввакум и М. Горький: два жизнеописания // Горьковские чтения. 2004. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 371-376.
28. Цирулев А.Ф. О жанровых границах художественной автобиографии // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (28 февраля 2015 г.). – Ч. 10. – Тамбов: Изд-во «Юком», 2015. – С. 145-146.
29. Цирулев А.Ф. У истоков художественной автобиографии // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной

- научно-практической конференции (28 февраля 2015 г.). – Ч. 10. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 147-148.
30. Цирулев А.Ф. О «концептуальном» автобиографизме М.Ю. Лермонтова // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (28 февраля 2015 г.). – Ч. 10. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С.146-147.
  31. Цирулев А.Ф. О зарождении художественной автобиографии // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 149-150.
  32. Цирулев А.Ф. Проблема авторского самосознания в древнерусской литературе (XI-XIII вв.) // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 153-154.
  33. Цирулев А.Ф. Об особенностях автобиографизма в «Житии протопопа Аввакума» // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 152-153.
  34. Цирулев А.Ф. О становлении художественного автобиографизма и его типов // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 151-152.
  35. Цирулев А.Ф. Автобиография Челлини как новый этап развития жанра // Современное общество, образование и наука: сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 148-149.
  36. Цирулев А.Ф. «Поэзия и правда» И. Гете как тип «историко-эпохальной» автобиографии // Современное общество, образование и наука. сб. науч. труд. по материалам международной научно-практической конференции (31 марта 2015 г.). – Ч. 5. – Тамбов: Изд-во «ЮКом», 2015. – С. 154-156.
  37. Цирулев А.Ф. Об особенностях психологизма и нарратива в прозе Л. Стерна и Л. Толстого // Фундаментальная и прикладная наука. Состояние и тенденции развития: сб. статей XXXII Международной научно-практической конференции (12 июля 2023 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2023. – С. 250-255.
  38. Цирулев А.Ф. О генезисе автобиографического жанра в античной и русской литературах // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сб. статей XII Международной научно-практической конференции (26 июня 2023 г.). – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2023. – С. 11-15.
  39. Цирулев А.Ф. Синтез психологизма и автобиографизма в русской прозе. (XII-XV вв.) // Научные высказывания. 2023 (июль). – № 14 (38). – С. 52-55.
  40. Цирулев А.Ф. О композиции как способе художественной реализации нравственно-этической идеи. (Автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого) // Обществознание и социальная психология. Выпуск №8-2(52), 2023. – С. 446-449.

41. Цирулев А.Ф. «Исповедь Ж.-Ж. Руссо. Зачатки психологического автобиографизма и «Опыты» М. Монтеня // Обществознание и социальная психология. Выпуск №8-2(52), 2023. – С. 492-495.
42. Цирулев А.Ф. О новаторстве повествовательного дискурса «Жития протопопа Аввакума» // Обществознание и социальная психология. Выпуск №8-2(52), 2023. С. 503-507.
43. Цирулев А.Ф. Идея продуктивности и ее художественное воплощение в «Поэзии и правде» И.В. Гете // Обществознание и социальная психология. Выпуск №8-2(52), 2023. – С. 456-459.
44. Цирулев А.Ф. О концепте «эпического» и «лирического» в автобиографиях Ж.-Ж. Руссо и И. Гете // Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология: Сборник научных статей. – Н. Новгород: НГЛУ, 2024. – С.183-189.
45. Цирулев А.Ф. О двух типах художественной автобиографии (М. Горький и Л.Н. Толстой) // Интернаука: Научный журнал, 2024. – № 10-3 (327). – С. 5-8.
46. Цирулев А.Ф. Смыслообразующая роль финала повести М. Горького «Мои университеты» // Гуманитарный научный вестник, 2024. № 3. – С. 38-41.
47. Цирулев А.Ф. О поэтическом пафосе художественной автобиографии Л.Н. Толстого // Сб. статей VIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: «Новая Наука», 2024. Март. – С. 182-186.
48. Цирулев А.Ф. О роли внефабульных элементов в повести «Мои университеты» М. Горького // Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: «Новая Наука». 2024. Март. – С. 88-93.
49. Цирулев А.Ф. Концепция героического в автобиографиях Аввакума и М. Горького // Новая наука в новом мире. Сб. статей. Петрозаводск: Изд-во «Новая наука», 2024. – С. 65-70.
50. Цирулев А.Ф. О внефабульных элементах в повести «Детство» Л.Н. Толстого // Форум. – 2024. – С. 111-114.
51. Цирулев А.Ф. Об этической традиции Аввакума в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого // Форум. – 2024. – С. 115-118.

Монографии:

52. Цирулев А.Ф. Автобиографические трилогии Л.Н. Толстого и М. Горького. (Проблема «диалектики души»): монография. Нижний Новгород: Изд-во КиТиздат, 2012. 288 с.
53. Цирулев А.Ф. «Диалектика души» и «диалектика сознания» в автобиографических трилогиях Л.Н. Толстого и М. Горького. (Проблема традиции и новаторства): монография. Нижний Новгород: ООО Стимул НН, 2024. 98 с.